

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Дальневосточный государственный университет

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Владивосток 1974

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР

Дальневосточный государственный университет

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Владивосток 1974

Авторы предлагаемого читателям сборника — сотрудники кафедр русского языка различных вузов страны.

В сборник вошли статьи по вопросам синтаксических связей в простом предложении современного русского языка. В двух статьях — З. Д. Поповой (Воронеж) и А. С. Попова (Глазов) — рассматриваются некоторые общие вопросы теории связей. Статьи А. Ф. Прияткиной (Владивосток); Е. А. Стародумовой (Владивосток) и Ю. М. Гордеева (Саратов) содержат анализ конкретного материала. Эти статьи посвящены роли служебных слов — союзов, предлогов, частиц — в оформлении синтаксических отношений. Статья Г. Ф. Низяевой (Владивосток), как отчасти и статья А. С. Попова, относится к проблеме структурных типов простого предложения.

Сборник предназначен для специалистов, работающих в области грамматики. Материалы сборника могут быть использованы также в практике вузовского и школьного преподавания.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Дальневосточного государственного университета

Ответственный редактор — кандидат филологических наук, доцент
А. Ф. Прияткина

Редакционная коллегия:

доценты А. К. Королев, Л. Н. Дровникова, Н. Г. Ковинина,
А. Ф. Прияткина, Г. Н. Сергеева

«СОГЛАСОВАНИЕ», «УПРАВЛЕНИЕ», «ПРИМЫКАНИЕ» В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Термины «согласование», «управление», «примыкание» первоначально были предложены для обозначения видов синтаксической связи слов в зависимости от их морфологических возможностей: «согласованием называется такое сочетание слов, в котором одно слово уподобляет свое окончание окончанию другого»¹; «управлением называется такое сочетание слов, в котором одно слово зависит от другого и означает свою зависимость или окончанием падежа, или же предлогом»²; «примыкание есть такое подчинение, которое не является ни управлением, ни согласованием»³.

Три указанных термина, таким образом, охватили все виды формального выражения синтаксических связей между словами в русском языке и образовали четкую терминологию с выразительно очерченными различиями между обозначаемыми понятиями.

Параллельно складывалось иное употребление этих терминов, прежде всего термина «управление». Его использовали для наименования сильной связи между главным и зависимым словом, когда главное слово без зависимого не употребляется или не выражает нужного значения. За этим последовало приспособление термина «примыкание» для обозначения слабой связи слов, при которой наличие зависимого слова не обязательно⁴. Произошли сдвиги и в содержании

¹ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика. М., Учпедгиз, 1959, стр. 270.

² Там же.

³ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1956, стр. 61.

⁴ В. П. Малащенко. О связи слов в предложении и в словосочетании. — Уч. зап. Ростовского ун-та, т. 54. Вып. 4, 1957, стр. 186; М. Д. Лесник. К вопросу о примыкании и «падежном примыкании». — «Вестник ЛГУ», 1967, 2 и некоторые др.

термина «согласование». Из него, в частности, нередко исключают связь глагола с существительным, которая является семантической, а не чисто формальной⁵.

Процесс расхождения терминов и их современное использование подробно и исчерпывающе показаны Е. С. Скобликовой⁶. Бесспорен ее вывод о том, что второе понимание управления (как сильной связи) «лишает всю рассматриваемую группировку единого классификационного принципа»⁷. Терминосистема распадается, так как старое распределение содержания нарушено, а новое еще не приобрело четкости и во многих случаях является пересекающимся.

Рассмотрение двух разных употреблений термина «управление» и в зависимости от него терминов «примыкание» и «согласование» сделано и в ряде других работ⁸, хотя, сосредоточившись на содержании термина «управление», исследователи не всегда учитывают терминосистему в целом, особенно мало говорится о «согласовании». Первоначального формально-синтаксического смысла терминов «согласование», «управление», «примыкание», как установлено Е. С. Скобликовой, придерживается широкий круг лингвистов⁹. Однако в Грамматике современного русского литературного языка (М., 1970) термины употреблены во втором смысле (сильная, слабая связь разных видов), причем здесь представлено исчерпывающее описание всех возможных подчинительных связей слов, последовательно распределенных между «согласованием», «управлением», и «примыканием». Это обстоятельство выдвигает второе, еще не вполне отработанное употребление рассматриваемых терминов на передовую линию в современной теории синтаксических связей. Остановимся на определениях Академической грамматики 1970 г.

Согласование определяется как «такой вид подчинительной связи, при котором формы рода, числа и падежа подчиняющегося имени предопределены формами рода, числа и

⁵ Е. В. Кротевич. О связях слов в словосочетании и в предложениях. — «Русский язык в школе», 1958, № 5; Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 47, § 1292.

⁶ Е. С. Скобликова. Согласование и управление в русском языке. М., 1971, стр. 7—30.

⁷ Там же, стр. 22.

⁸ М. В. Всеволодова. Синтаксические функции именных групп в структуре простого предложения. — «Русский язык за рубежом», 1969, № 3, стр. 73; Г. А. Золотова. К понятию управления. — «Русский язык за рубежом», 1971, № 2, стр. 58.

⁹ Е. С. Скобликова. Указ. соч., стр. 26.

падежа подчиняющего имени». При согласовании между словами всегда устанавливаются определительно-собственно характеризующие отношения. Согласование является лексически неограниченной слабой связью¹⁰.

В соответствии с этим определением к согласованию отнесены (оговариваются различные категории согласования: род, число, падеж в разных сочетаниях) словосочетательные образования типа — *новые дома, женщина-космонавт, матч Геллер-Смыслов, город Москва, собака по кличке Механик, муж с женой Полонские, наши врач, на семи столбах, партии как воспитатель*¹¹.

В приведенных примерах представлены различные сочетания определений (прилагательных, местоимений, порядковых числительных) с определяемым существительным, а также сочетания существительных, так называемых приложений, причем объединяются сочетания непосредственно соположенных существительных и сочетания существительных, связанных союзами или предложно-падежными формами (*по прозвищу*).

Управление определяется как «такой вид подчинительной связи, при которой категориальными свойствами главенствующего слова — глагола, имени, наречия или компаратива — предопределено наличие при нем зависимого имени в форме косвенного падежа, причем между словами устанавливаются отношения объектные, субъектные или комплетивные»¹².

В соответствии с этим определением в Грамматике приведен список конструкций с зависимыми падежными и предложно-падежными формами, без которых главное слово не выражает заданного значения (тип: *строить что-н., качать головой, прикоснуться к чему-н., разговаривать с кем-н., превратиться в кого — что-н.* и под.). Отбор конструкций и их систематизация представляют результат длительной и напряженной работы, отличаются выверенностью и тщательностью. Для исследователей, разделяющих понимание управления как сильной связи, список, имеющийся в Академической грамматике, послужит надежным справочным пособием.

Примыкание определяется как «такая подчинительная связь, при которой к глаголу, имени или наречию присоединя-

¹⁰ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 488.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 489.

ется либо а) слово, не имеющее форм словоизменения: наречие (включая компаратив и деепричастие), неизменяемое прилагательное или инфинитив, либо б) форма косвенного падежа существительного (без предлога или с предлогом), и при этом устанавливаются отношения собственно- или обстоятельно-характеризующие либо комплетивные»¹³.

В состав примыкающих форм введены, кроме наречия, деепричастия, инфинитива, разнообразные падежные и предложно-падежные формы, выражающие пространственные, временные и другие обстоятельственные значения, употребляющиеся в роли атрибута или комплетива. Например: *бежать из плена, ехать от вокзала, прийти с работы, лежать у костра, работать ночами, болеть неделю, ходить стаяй, быть высокого роста, крыша дома* и под.¹⁴ Здесь помещены все формы, не вошедшие в раздел «управление».

К пониманию управления как сильной связи глагола с падежными и предложно-падежными формами (без рассмотрения отношений в терминосистеме синтаксических связей в целом) склоняется и Г. А. Золотова, автор широко известных работ по теории простого предложения¹⁵.

Совершенно естественно, что авторитет и доступность для широкого читателя грамматических трудов, выходящих из стен академического института, неминуемо должны способствовать переходу от традиционного употребления терминов «согласование», «управление», «примыкание» к их новому употреблению, выдвигающему на первый план степень связи в словосочетании. В связи с этим скажем несколько слов о трудностях такого перехода, как они нам представляются.

Новое употребление терминов в настоящий момент недостаточно подкреплено критериями разграничения описываемых явлений. Отсутствие формального критерия, необходимость в каждом отдельном случае определять вид отношений, выражаемых в словосочетаниях или даже в предложении, делает мало применимым такое употребление терминов в средней, а возможно, и в высшей школе. На очередь дня выдвигается необходимость заучивания фактов, предложенных

¹³ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, стр. 511.

¹⁴ Там же, стр. 516—534.

¹⁵ Г. А. Золотова. К понятию управления. — «Русский язык за рубежом», 1971, № 2, стр. 60—61.

Академической грамматикой. Последовательный переход на новую систему терминопотребления требует дифференцировать сильную и слабую связь не только в составе падежных и предложно-падежных форм, но и в составе форм согласуемых и форм примыкающих.

Не исключая связи сказуемого и подлежащего из состава согласования, мы видим в ней семантически мотивированную, свободную сочетаемость. Степень связи прилагательного (и слов типа прилагательного) с существительным более значительна, на основе ее создаются разнообразные составные наименования. Степень связи слов, образующих так называемое приложение, еще теснее: на основе такой связи возникают сложные слова (царь-девица, роман-газета)¹⁶. Нам неизвестны сколько-нибудь целенаправленные исследования, в которых выяснялась бы степень связи среди сочетаний, образованных с помощью согласования.

В составе неизменяемых примыкающих слов мы уже пытались показать разнообразие степеней связи¹⁷. В частности, мы определили одностороннее примыкание зависимого слова к главному (наречие, причем теснее всего связь наречий на -О, -Е); одностороннее притягивание зависимого слова главным (объектный инфинитив, — сильная связь); взаимное лексико-грамматическое объединение слов (субъектный инфинитив с модальным глаголом, — наиболее сильная связь); приспосабливание форм зависимого слова к форме главного (деепричастие — глагол), выражаемое выбором видовой формы деепричастия в соответствии с лексическим значением и видовой формой глагола (семантически мотивированная свободная связь).

Есть основания думать, что при исследовании всех степеней связи, возможных между сочетающимися словами, их окажется больше трех и терминов «согласование», «управление», «примыкание» для них будет недостаточно. Поэтому нам кажется, что перенесение указанных терминов на понятие степени связи является избыточным терминологическим затруднением.

¹⁶ Некоторые соображения о характере согласования в разных типах сочетаний высказаны нами в статье: З. Д. Попова. Непредикативные словосочетания, образованные способом согласования, в фольклорных записях XVII века. — «Известия Воронежского госпединститута». Т. 42. Воронеж, 1962.

¹⁷ З. Д. Попова. Позиционный анализ как метод изучения синтаксиса. — «Филологические науки», 1962, № 1, стр. 24—27.

Нам хотелось бы вслед за Е. С. Скобликовой¹⁸ поддержать традиционное формально-синтаксическое употребление терминосистемы «согласование», «управление», «примыкание», поскольку оно не противоречиво, четко и получило широкое распространение¹⁹. Для характеристики степеней связи между словами в словосочетаниях лучше было бы разработать новые термины.

¹⁸ Е. С. Скобликова. Указ. работа, стр. 25.

¹⁹ Существование обобщенного грамматического значения у каждого из понятий, обозначаемых данными терминами, мы старались показать в статье: З. Д. Попова. Виды подчинительной связи слов как отражение категорий объективной действительности. — «Материалы по русско-славянскому языкознанию». Воронеж, 1964.

ОБ ОДНОМ ЧАСТНОМ СЛУЧАЕ ВТОРИЧНЫХ СОЮЗНЫХ СВЯЗЕЙ¹

Рассматривается конструкция с союзом *как* сравнительным, когда он вводит словоформу *у + род. пад. суц.* Например: «*И вот я услышал около себя странный голос, одновременно нежный, как у матери, и повелительный, как у деспота*» (А. Куприн. Жидкое солнце)².

Союз *как* сравнительный отличается широкими конструктивными возможностями: в пределах простого предложения, наряду с конструкцией «треугольника»³, он свободно используется в условиях вторичной союзной связи, т. е. при подчинении словоформ. Например: «*Душу сражает, как громом, проклятье...*» (А. Блок. Художник); «*После обеда в комнату его вошла Прасковья Федоровна, одетая как на вечер*». (Л. Толстой. Смерть Ивана Ильича).

Такого типа построения отвечают общим признакам вторичной союзной связи: союз вводит словоформу, находящуюся в подчинительной связи с другим словом и не имеющую

¹ В статье использован некоторый материал, подготовленный студенткой ДВГУ Л. Н. Киселевой.

² Упоминание об этой форме сравнительного оборота содержится в работах Л. А. Киселевой (Конструкции с сравнительными союзами — члены простого предложения. — Уч. зап. ЛГУ. Серия филолог. наук. Вып. 55, 1959, стр. 137); В. И. Кононенко (Синонимика синтаксических конструкций в современном русском языке. Киев, изд-во «Наукова думка», 1970, стр. 35, 77, 79, 81) и в некоторых др.

³ Конструкция, по поведению словоформ аналогичная сочинительной (например, конструкция с параллелизмом падежей типа «*Тебя, как первую любовь, России сердце не забудет*», конструкция с им. пад. существительного «*Речка извивается, как змея*»). О параллелизме форм применительно к союзу *как* см. также: Н. А. Широкова. Типы синтаксических конструкций с сравнительным союзом в составе простого предложения. Казань, 1960; Синтаксические конструкции, вводимые сравнительными союзами, в составе простого и сложного предложения. Автореф. докт. дисс. Саратов, 1968.

параллели в предложении⁴. Ср.: *вздрыгнул от крика, как от удара* — *вздрыгнул, как от удара*. Союзная связь оформляет в этих условиях свое самостоятельное отношение, но она «как бы апплицируется на подчинительную связь словоформ»⁵. При этом последняя не обязательно носит ярко выраженный подчинительный характер: далеко не всегда она оформляется по модели словосочетания (вроде *сразить громом*), это могут быть самые разнообразные виды синтаксического отношения словоформ — практически любого типа, возможные в предложении, лишь бы это была связь на морфологическом уровне, противопоставленная связи, которая осуществляется при помощи союза, т. е. чисто синтаксически. (Ср. с присоединительным союзом: «*Меня известить можно только азотной кислотой, и то лишь мешая ее с разочарованиями*» (Л. Леонов. Скутаревский)⁶. В частности, зависимая словоформа, вводимая союзом *как*, может быть включена в ряд словоформ предложения на правах детерминанта (по Н. Ю. Шведовой), т. е. без непосредственного подчинения слову, на основе детерминативного отношения к предикату. Например: *Лето жаркое, как в прошлом году*⁷. Ср.: *В прошлом году лето было жаркое*. «*Все в крестиках двери, как в Варфоломееву ночь*» (Б. Пастернак. Метель); «*Рамы в сельсовете были одинарные, тонкие, как в южном краю*» (В. Липатов. Деревенский детектив). Ср.: *В южных краях рамы одинарные, тонкие*.

Слабое подчинение вообще благоприятствует союзным связям вторичного характера; при достаточно сильном, выраженном подчинении словоформ союзная природа служебного слова определеннее выявится, если господствующее слово способно к абсолютивному употреблению — в противном случае союз конкурирует с частицей⁸. Союз не просто накладывает

⁴ Подробнее см. наши статьи: «Союзы при подчинении» («Русский язык в школе», 1970, № 1); «К изучению союзных связей вторичного характера» (Уч. зап. ДВГУ. Т. 12. Современный русский язык. Владивосток, 1970).

⁵ Н. П. Киселева. Средства выражения присоединения между компонентами, связанными подчинительными отношениями, в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 9.

⁶ Пример заимствован у Н. П. Киселевой. См. указ. работа, стр. 19.

⁷ Пример приводится в «Грамматике русского языка» (т II, ч. II. М., изд-во АН СССР, 1954), в разделе «Предложения с придаточной частью, присоединяемой подчинительными союзами», стр. 367. Ср. там же: «*Дома многоэтажные, как в столице*».

⁸ Существенную, на наш взгляд, особенность союзных связей при подчинении словоформ отмечает Н. П. Киселева при описании союзного

вается на связь словоформ, а создает свое синтаксическое отношение, синтаксическую связь на совершенно иных началах, с иным составом компонентов. Тем не менее частные синтаксические свойства словоформы «до союза» не могут, по нашему мнению, игнорироваться при характеристике разных видов вторичных союзных связей: они включаются в эту характеристику — и не только как элементы низшего яруса, но и как составляющие специфику данного союзного построения.

В общий ряд построений, организованных по принципу вторичных союзных связей, включаются и конструкции с союзом *как*, вводящим словоформу *у + род. пад. сущ.* Наиболее общие признаки этой конструкции складываются из связей данной словоформы с другими словами предложения, поэтому не всякое соединение союза *как* с названной словоформой, даже при подчинении, является признаком этой конструкции.

По-видимому, говорить о сочетании *как — у + род. пад.* самом по себе в плане синтаксической конструкции не имеет особого смысла. Некоторые авторы характеризуют данные и подобные сочетания (*как + им. пад. сущ.*, *как + прилагательное*, *как + наречие* и т. д.) как «конструкцию» («модель») и, лишь определяя функционирование ее, ее «дистрибуцию», указывают на отнесенность того или иного «структурного типа» к различным членам предложения (частям речи)⁹. Но если считаться с грамматической природой союза, то модель союзной конструкции должна, естественно, характеризовать отношение, связь, а не одну сторону отношения, связи. Не исключено, что для некоторых союзных конструкций (в частности, в сложном предложении) может быть регламентирована и устойчивая форма «послесююзного» компонента. В особенности это относится к союзам подчинительным, свойством которых признается формальное вхождение в со-

присоединения. Она пишет: «Стержневой компонент в предсоюзной (первой части) реализует свое значение как слово, а не как компонент словосочетания, т. е. является автосемантическим в первой части. Во всей же конструкции в целом он реализует обе свои потенциальные возможности: последовательно воспринимается как автосемантический и синсемантический (после присоединения зависимости компонента)». Автор приводит характерный пример: «Поспешные шаги за дверью — и дверь открывается, и не горничной, а самой хозяйкой» (И. Бунин. Мордовский сарфан). — И. П. Киселева, Указ. работа, стр. 10.

⁹ См., например, В. И. Копоненко. Указ. работа, стр. 34.

став одного из компонентов. Но и в этом случае «отмеченный» компонент остается лишь частью союзной конструкции. Возможная синтаксическая изоляция такого союзного сочетания¹⁰ не противоречит, на наш взгляд, общему принципу. Что касается союза *как* в пределах простого предложения, то даже наличие определенной обусловленности послесоюзной словоформы (например, им. пад. сущ., некоторая избирательность предложно-падежных форм и под.) не создает отдельных «конструкций» или «схем», поскольку объяснение эти формы, при всей их повторяемости и устойчивости, получают в первой части, т. е. целиком в союзной конструкции. Если пойти за авторами, классифицирующими сравнительные обороты по их морфологическому составу, то в синтаксисе союзов должны быть объединены три следующих, например, факта употребления словоформы *у + род. пад.*: 1. «Живешь у меня, *как у отца родного*»; 2. «Когда Хана познакомилась с Наумом, она пришла к сестре, заплакала, попросила, *как у матери*, благословления» (И. Эренбург. Буря); 3. «Сердце колотилось, руки дрожали, лицо горело, слух был чуток, *как у зверя*» (И. Бунин. Деревня). Между тем, здесь представлены три вида союзных построений, различие между которыми, на наш взгляд, весьма существенно, а тождество словоформы — случайно.

Специфика союзной сравнительной конструкции со словоформой *у + род. пад.* определяется связями этой словоформы на морфологическом уровне, т. е. «до союза»¹¹.

Разнообразие функций словоформы *у + род. пад.* не столь

¹⁰ Известная аналогия между подчинительным союзом и предлогом как выразителями подчинительного отношения (В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947, стр. 705—706) важна для союза и в том смысле, что соединение союза со словоформой проявляет иногда, подобно предлогу, способность к функционированию в относительно независимой синтаксической позиции (см., например, у Н. Ю. Шведовой «союзные введения» в роли «распространителя предложения» — Н. Ю. Шведова. О синтаксических потенциях формы слова. — «Вопросы языкознания», 1971, № 4, стр. 27; Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, стр. 638 (§ 1446).

¹¹ Словоформа *у + род. пад. сущ.* своеобразна и интересна сама по себе. На ее синтаксическое поведение обращают внимание многие слависты, отмечающие специфические для русского языка особенности по сравнению с другими славянскими языками, в частности: А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. I. Братислава, 1954, стр. 141—145; P. Adamc. K ekvivalentum sloves

«byli» a «miti» v rustine, Rusko-ceske studie (Sbornik Vysoké Školy Pedagogické v Praze, Jazyk a literatura II), 1960, стр. 205; H. Safarewicz-

уж велико, но различия, отмечаемые исследователями¹², значительны. Прежде всего легко отделяется прилагольное ее употребление, выражающее значение «лишения», «утраты» (типа «взять у кого-либо»), и противопоставляется приименному, выражающему посессивные отношения (*голова у ребенка, кора у дуба*). Менее четко отделяется прилагольное употребление со значением местонахождения (*стоять у дороги*), потому что на этой основе существует также именное словосочетание (*дом у дороги*) и, главное, потому, что при одушевленных существительных это значение получает вид «метонимического пространственного отношения» (*встречаться у Ивановых*)¹³ и возникает возможность его функционального сближения с посессивным отношением на основе оттенка субъектного значения (*У Ивановых было весело; У ребенка болит голова* и т. д.).

Для рассматриваемой нами союзной конструкции наиболее существенным, по-видимому, является различие между функцией объектного прилагольного распространителя в составе словосочетания (*просить у матери; учиться у мастера; поставить у двери*) и функционированием, выходящим за пределы словосочетания. На основе первого типа отношений возникает союзная вторичная связь того же порядка, как и при других подчиненных господствующему слову падежных и предложно-падежных словоформах (ср.: *спросить, как у сына; маршируют, как на параде; как ножом, скашивали* и т. д.). На основе второго типа отношений строится союзная конструкция с более сложными, предложенческими связями. Вот несколько примеров:

«Оттопыренная, как у детей, с чуть покрывавшим ее

wa, Oboczność" «я имею» и «у меня есть» w języku rosyjskim dziś i dawniej, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964; Transformacní syntax současné, gustiny Praha, 1969, I стр. 45—46.

¹² R. Mgrázek, I. Врум. Semantika a funkce ruského genitivu s predložkou «u» (Se zretelem k cestině), «Sborník prásí filosofické fakulty

Brnenské university», XI, A 10, 1962; З. Д. Попова. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века. Воронеж, 1969, стр. 111—114; Ее же. Многозначность предложно-падежной формы как результат условий ее употребления. — «Русский язык в национальной школе», 1971, № 1, стр. 8—12.

¹³ «Перенос значения с наименования человека на место его пребывания». «Я часто бываю в доме Петровых». — З. Д. Попова. Многозначность предложно-падежной формы как результат условий ее употребления, стр. 8. См. также: R. Mgrázek, I. Врум. Указ. статья, стр. 109.

пушком верхняя губа его точно прихлебывала, сжималась и распускалась» (Л. Толстой. Хаджи Мурат); «Волосы ее, чрезвычайно густые, закурчавленные *как у барана*, держались на голове в виде огромной шапки» (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); «Ломовик встал, стучит по полу... грозит, глаза сверкают, рот четырехугольником стал, зубы щелкают, *как у волка...*» (В. Гиляровский. Козел и «Чайка»); «Все это занимало его всерьез, все это могло быть настоящей жизнью, *как у других людей*» (В. Панова. Времена года); «На ней черное и гладкое платье с широкими рукавами, а черный платок повязан, *как у монашенки*» (А. Куприн. Груня); «Вся упряжка была проста и щеголевата, *как у настоящего любителя*» (А. Куприн. Канталупы).

Такое употребление формы *у + род. пад.* существует наряду с употреблением ее при параллелизме. Ср., например:

«Небольшая птица, чуть побольше коростеля, а голос *у нее, как у соборного протодиакона* или *как у породистого недовольного быка*, начальника стоголового стада» (А. Куприн. Ночь в лесу); «Зубы *у сопки* были мелкие и острые, *как у щуки*» (В. Орлов. Соленый арбуз); «*У него* была плешивая голова, мешки под глазами, *как у старого сердечника...*» (В. Катаев. Святой колодец).

Обе конструкции, безусловно, соотносительны, и соотносительность их требует специального объяснения, но мы не склонны первую рассматривать как неполную реализацию второй. Самостоятельность конструкции без параллели находят опору в общем принципе вторичных союзных связей, на основе которого существуют не только разнообразные построения с другими союзами, но и построения с сравнительным союзом *как*.

Однако если принять за эталон вторичной связи с союзом *как* конструкции типа «*Журавушка отшатнулась, как от удара*» (М. Алексеев. Хлеб — имя существительное), т. е. случаи, когда связь на уровне словоформ, будучи связью сильной и присловной (*отшатнуться от удара*), явственно проступает сквозь союзное отношение — настолько явственно, что как бы пересиливает союзную связь, делая ее сомнительной (не частица ли?), то наши построения с предлогом *у* покажутся построениями совершенно иной природы. В приведенных выше предложениях с оборотом *как у...* без параллели союз, по выражению Е. А. Иванчиковой, полностью «держит

конструкцию» — словоформа без него часто не «вписывается» в предложение, в данный здесь ряд словоформ. (Ср.: «*Журавушка отшатнулась от удара при невозможности: Оттопыренная у детей с чуть покрившим ее пушком... и т. д.*). То же можно заметить и относительно некоторых других видов включения зависимой словоформы. Ср., например, при несоответствии временных значений: «*Майор на секунду встал, как в детстве, двумя руками Леньку к себе прижал*» (К. Симонов. Сын артиллериста). Однако мы не всегда можем исходить из конкретного предложения и соответствующей его предикативному содержанию расстановки словоформ. Вопрос решается даже не реальностью или нереальностью изъятия из предложения, отдельного сочетания. Важна общая модель сочетаемости: на ней и основывается союзное введение словоформы. Так, например, в предложении *Светло, как при полной луне* — не следует, понимая буквально, искать связь словоформ *светло при луне*. Хотя такое сочетание и вполне возможно, в данном предложении реализуется не оно, а связь словоформ *при луне* с предшествующим предикативным отрезком (*Светло. /Было очень светло/. Становилось все светлее* и тому под.), от которого союзное сочетание *как при полной луне* заимствует тот элемент значения, который создает его скрытую, имплицитную предикативность (*как бывает при полной луне*). Ср. еще: «*Это какой-нибудь сонный португалец или португалька, услышав звонкие шаги по тихой улице, на минуту выглядывали, как в провинции, удовлетворить любопытство и снова погружались в дремоту...*» (А. Гончаров. Фрегат «Паллада»). Детерминативное отношение словоформы к предложению может тоже создавать первичную основу для союзной связи, наряду с отношениями зависимой словоформы к господствующему слову в составе словосочетания.

Ср.: *гнуться от ветра* *гнуться, как от ветра*
 при луне светло *светло, как при луне.*

Вот почему первичная основа союзной связи нередко выявляется лишь в результате некоторого преобразования, которое, однако, не должно выходить за пределы определенной схемы взаимоотношения словоформ.

Какова первичная основа союзной конструкции со словоформой *у + род. пад.*?

Основной союзного введения здесь является прежде всего сочетаемость данной предложно-падежной формы с существ-

вительным при выражении посессивного отношения¹⁴: *голова у ребенка, глаза у кошки, кора у дерева, характер у матери*¹⁵ и под.

Однако в отличие от беспредложного родительного принадлежности (*голова ребенка, кора дерева, характер матери*), образующего с господствующим существительным замкнутое двухчленное словосочетание, словоформа с предлогом *у* предполагает вторую сторону отношения, и это отношение носит предложенческий характер: *у + род. пад.* тяготеет к предикату (или к полупредикативной форме в предложении): *Глаза у Пугачева засверкали* (Пушкин. Капитанская дочка), *Ножки у кресла шатались, Глаза у орла зоркие*¹⁶. Эта предложенческая функция выявляется в систематическом соотношении двух конструкций — конструкции с *у + род. пад.* в позиции присубстантивного определителя (как правило, подлежащего) и конструкции с *у + род. пад.* в позиции детерминанта¹⁷: *Глаза у него засверкали — У него за-*

¹⁴ Об «отчуждаемости» и «неотчуждаемости», об «органической» и «юридической» принадлежности см. указ. работу А. В. Исаченко, а также статью З. Д. Поповой «Многозначность предложно-падежной формы», стр. 9—11.

¹⁵ В «Грамматике современного русского литературного языка» (М., «Наука», 1970) связь *ручка у корзины, задок у саней, лезвие у бритвы* дана как именное примыкание, в частности, как примыкание предложно-падежной формы к существительному, словообразовательно не мотивированному глаголом, а значение сочетания определено как «собственно-характеризующее». Сочетания с одушевленными существительными типа *голова у ребенка* в этот ряд, по-видимому, не включаются (стр. 521).

¹⁶ В «Грамматике русского языка» (Т. II. Ч. I. М., изд-во АН СССР, 1954) сказано: «Словосочетания с предлогом *у* употребляются именно тогда, когда нужно показать некоторую самостоятельность зависимого слова, возможность связи его не только с именем существительным, но и с глаголом» (стр. 256). О двусторонней связи падежей, в частности предложно-падежной формы *у + род. пад.*, см. А. А. Камынина. О синтаксической зависимости падежей, распространяющих предложение в целом — Сб.: «Исследования по современному русскому языку». М., 1970, стр. 73—88.

¹⁷ В этой позиции форму *у + род. пад.* Н. Ю. Шведова определяет как «субъектно-объектный детерминант» (Грамматика современного русского литературного языка, стр. 629). Ср. в «Грамматике русского языка» 1954 года: «в предложении «Ножки у кресла шатались» слова «ножки у кресла» образуют словосочетание, а в предложении «У кресла шатались ножки» те же слова не образуют словосочетания, так как «у кресла» составляет единство не только со словом «ножки», но и со словом «шатались»; в таких случаях предложно-именное сочетание («у кресла») относится уже не к одному определенному слову — глаголу или существительному, а ко всему предложению в целом». (Т. II. Ч. II, стр. 256).

сверкали глаза; Характер у Маши хороший — У Маши хороший характер.

Возможность такой трансформации объективирует сразу три важных момента: 1) отношение *у+род. пад.* не только к существительному, но и к глаголу или прилагательному — *засверкали у Пугачева, хороший у Маши* (которое, однако, непосредственно как связь не дано); 2) субъектный оттенок значения в словоформе *у+род. пад.*¹⁸ — «субъект владения», «субъект состояния» (отсюда важность различия одушевленных и неодушевленных существительных); 3) слабую присловную связь, предложенческую функцию словоформы *у+род. пад.*

Такова основа союзной связи, определяемая свойствами словоформы.

При наличии союза она выявляется или непосредственно *Голова тряслась, (как) у старухи* — или в результате некоторых преобразований: *«Его поддержал подскочивший вестовой — молодой черночубый казак со смуглым лицом и острыми, как у чибиса, глазами»* (М. Шолохов. Тихий Дон) — *глаза у чибиса острые | у чибиса острые глаза; «Волнистые, черные до блеска косы роскошно спадали ей на плечи, как у взрослой, у настоящей девушки»* (О. Гончар. Илопка) — *косы у девушки спадали на плечи | у девушки спадали на плечи косы.*

Как видим, отношения между словами «до союза» достаточно сложны: они выходят за рамки словосочетания и не несут простого подчинительного характера.

Как же сказываются на связях сравнительного оборота особенности связей на уровне словоформ?

1. Значение «субъекта владения» у предложно-падежной формы объясняет опору союзного оборота на существительное определенного семантического ряда¹⁹.

На первом месте здесь существительное со значением органической части предмета, прежде всего живого существа (название частей тела человека, органов животного), чему соответствует одушевленное существительное в форме *у+род. пад.*²⁰.

¹⁸ О субъектном значении косвенных падежей см. А. А. Камынина. Указ. статья, стр. 85—89.

¹⁹ А. В. Исаченко. Указ. работа, стр. 143.

²⁰ З. Д. Попова. Многозначность предложно-падежной формы, стр. 9.

Устойчивая повторяемость в конструкции существительных именно этого лексического значения может быть проиллюстрирована следующими примерами:

а) «И Игнатий Фомин стал страшно извиваться на мокрой земле длинным, *как у червя, телом*» (А. Фадеев. Молодая гвардия); «Лицо его было обрито, а толстые и крутые, *как у моржа*, бело-зеленые *усы* покрывали всю его верхнюю челюсть» (А. Куприн. Домик); «...он еще яснее видит и землястые руки, и, *как у кошки*, блестящие, где-то вверху, зеленые *глаза*...» (В. Гиляровский. Без возврата); «Прохору казалось, что едет он по скользкой, гололедной земле, *ноги* его расползались и дрожали, *как у* некованой вступившей на лед *лошади*» (М. Шолохов. Тихий Дон); «Иногда забредал дед Харитон, слушал, вытягивал худую, *как у* ошипанной *курицы, шею*» (Е. Мальцев. От всего сердца); «и жид-знахарь с землястыми руками и зелеными глазами оскаливает белые, длинные, *как у* старого *кабана, клыки*» (В. Гиляровский. Без возврата); «Христоня сначала долго слюнил бумажку, елозил по ней большим, шершавым, *как у быка, языком*...» (М. Шолохов. Тихий Дон); «Но хозяин назойливо допытывался, вертелся около стола, почесывая под суконной жилеткой тощий, *как у тарани, живот*» (там же);

б) «Они закуривали; зажигалка освещала черные, *как у угольщиков, лица* и чудовищные космы» (В. Панова. Сентиментальный роман); «Папа, я съезжу за лекарством», — сказала дочь Помелова, Светлана, рослая девушка с открытым, выпуклым, *как у отца, лбом* и крупным ртом» (А. Блинов. Счастье не ищут в одиночку); «...розовели кремовые панели и гладкая, *как у младенца, кожа* Вальгана» (Г. Николаева. Битва в пути); «Лицо, обрамленное длинными, *как у ведьмы, волосами*, худое, изможденное, жесткое...» (О. Гончар. Перекоп); «Марков Паша, как мы его тогда называли, со своими вздернутыми короткими черными *бровями, как у самурая*, и простодушно-ядовитейшей улыбкой» (В. Катаев. Трава забвения); «В кирпичной сторожке на снаряжном ящике сидели командир батальона Бондарев —

высокий могучего телосложения русак с бритой, как у Котовского, головой, и адъютант старший — низенький, тощий Рябов» (Свистунов. Сердца в строю); «Он сделал паузу и... протянул руку, как бы держа в своих пальцах, длинных, как у Паганини, нечто воздушно-легкое, маленькое, волшебное» (В. Катаев. Трава забвения); «отверстие совсем широкое, почти как у здорового» (Н. Амосов. Мысли и сердце)²¹.

Посессивное отношение имеем и при обозначении свойства, душевных качеств или проявлений живого существа. Тогда на месте господствующего существительного слова типа «характер», «взгляд», «настроение» и т. п.:

«Взгляд был внимательный, испытующий, как у осторожного доктора, который прописал больному новую микстуру и наблюдает за ее действием» (А. Куприн. Негласная ревизия); «Ромашов слышал частое, фыркающее, как у лошади, дыхание Бек-Агамалова» (А. Куприн. Поединок); «...но я знаю, что эти лучшие чувства ее — искренни, как у небесного ангела» (Ф. Достоевский. Братья Карамазовы); «Выражение лица его было вдумчивое, как у всех выпашивающих в себе творческий замысел» (Я. Д. Миничников. Воспоминания о передвижниках).

Наконец, субъект может быть признан обладателем предмета, не составляющего его органическую часть, предмета «отторгаемого», который, однако, постоянно связан с субъектом (прежде всего это названия предметов одежды, украшений и тому подобное):

«Гарт ходил в черном просторном костюме, строгом и скучном, как у английского священника» (К. Паустовский. Черное море); «Секретарша оказалась худенькой девушкой с непомерно большими, как у цыганки,

²¹ Метафоричность анималистических сравнений (а) и связанное с ней различие так называемого образного сравнения и сравнения-сопоставления, отмечаемое исследователями сравнительных оборотов, здесь, как кажется, значения не имеет и остается в области лексики. Синтаксическое значение сопоставления выявляется в союзном сочетании *как и* при соотнесительном слове и при отрицании (ср.: «Лицо у вольноопределяющегося так же спокойно, как и у других...» — А. Куприн. В казарме; «Здесь «фарис» означает не всадника, как у Лермонтова, а коня» — «Русская речь», 1969, № 1).

серьгами в ушах» (С. Сартаков. Ледяной клад); «Давно знакомый ему студент по фамилии Карлсон находился рядом — голый до пояса, розовый, полнотелый, с кружевным *воротничком*, как у *Пьеро*» (К. Федин. Первые радости); ср. также: «*Фамилия* ее была Быстрицкая, как у *актрисы*» (Д. Тарасенков. Человек в проходном дворе).

Исследователи признают также, что «в значении органического владельца в форме *y + род*. можно найти и неодушевленное существительное, обозначающее предмет, имеющий составные части или какие-то физические свойства: *У дуба мочулая корона*²². Отсюда употребление союза в таких текстах:

«Нигде не видел Леопольд такой конторки с покатою, как у *парты*, *крышкой*» (М. Прилежаева. Удивительный год); «Почему-то хотелось поскорее пройти мимо этих коек с боковыми *сетками*, как у *детских кроватей*» (В. Панова. Спутники); «Подвальная квартира с чугунными коваными *решетками* на окнах, как у *старых церквей*, показала ей чрезвычайно интересной» (К. Федин. Первые радости); «Побежали наверх, на ростры, туда окна шахты выходят, стеклянные *створки*, как у *парников*» (Г. Вадимов. Три минуты молчания); «*крыши* домов загнуты, как у *пагод...*» («Вокруг света», 1972, № 3).

Аналогично одушевленному предмету это может быть указание на свойство²³.

«В нашем деле твердость нужна, как у металла» (В. Попов. Обретешь в бою); «Она [образность картин] основана на созидании новой объективной среды, на образном выражении этой внутренней (а не внешней, как у *скульптуры*) *пространственности*» («Знание — сила», 1972, № 1).

Однако следующие ниже факты употребления свидетельствуют, как нам кажется, о лексической неограниченности господствующего существительного, так как определяющим является семантика отношения, а она достаточно обобщена:

а) «И тогда спокойная, сытая, как у *племенных быков*, *жизнь* точно выбрасывалась из своего русла» (А. Куприн. Поединок);

²² З. Д. Попова. Указ. статья, стр. 10.

²³ Ср.: «У каждого вида волокна свой характер» — R. Mrazek — I. Вгум. Указ. статья, стр. 111.

б) «На этой должности полезнее всего человек с опытом и *квалификацией как у него*, Милеанта» («Известия», 1970, № 287); «*Зарплата-то, как у военнослужащего...*» (В. Кожевников. Щит и меч); «..что идет хозяйство только ростовщическое, как у этого тихонького» (Л. Толстой. Анна Каренина); «И опять, будь его *любовное объяснение* капельку попроще, *как у большинства людей*, она охотно пошла бы к Вихрову в жены» (Л. Леонов. Русский лес).

Каков синтаксический характер взаимоотношения предложно-падежной словоформы с господствующим существительным при союзном ее введении?

Союз часто лишь опирается на связь предложно-падежной формы с существительным (данную и определяемую на морфологическом уровне) и как будто не создает непосредственной сочетаемости. Например: «И *лицо* его сморщилось, *как у ребенка*, готового заплакать» (А. Блинов. Счастья не ищут в одиночку).

Но прямое союзное отношение между именами не исключено, хотя и осуществляется лишь при некоторых синтаксических условиях. Такая связь происходит, если союзный оборот берет на себя предикативно-характеризующую функцию или функцию предметного определителя (атрибутивное или атрибутивно-предикативное отношение), причем надо подчеркнуть, что предикативное отношение создается только союзом, оно не предопределено на уровне словоформ:

1) союзный оборот в позиции сказуемого²⁴:

«Фигура величественная, *нос как у орла*, а поставит талер — и крестится украдкой под жилетом» (И. Тургенев. Вешние воды); «*Загривок-то, глянь, как у барина доброго*» (Л. Толстой. Хаджи

²⁴ Н. Ю. Шведова дает такую конструкцию как одну из реализаций структурной схемы $N_1 - Adv(N_2)$ «Деньги кстати», «Свеча из воска»: «Сказуемое может представлять собою синтаксически нерасчленимое в данной позиции соединение наречия или имени со сравнительным союзом: «Шум словно на ярмарке», «Почерк — как у меня» (указ. Грамматика, стр. 556). Своеобразие предикативного значения состоит здесь в том, что содержание сказуемого включает отсылку к известному утверждению «волосы как у матери», предполагает знание того, какие волосы у матери. Метафорический смысл анималистических сравнений делает это значение конструктивно не обусловленным («походка, как у медведя»). То же в атрибутивном употреблении (примеры далес).

Мурат); «Но войдите в мое положение, гляньте: *изба как изба, ничего себе, как у всех христиан, а углы пустые...*» (М. Алексеев. Вишневый омут); «Была она тоненькая, хрупкая, *лицо как у печального ангела — худенькое, нежненькое...*» (А. Куприн. С улицы);

2) союзный оборот в позиции присубстантивного атрибута²⁵:

«Другой в телячьей куртке и *с бородкой, как у Вихрова*, приподнял старенькую шляпу...» (Л. Леонов. Русский лес); «Опытный строитель, бывший моряк, *со здоровьем, как у водолаза*, и весом больше ста килограммов, а с чего начал свой доклад Балувев?» (В. Кожевников. Знакомьтесь, Балувев); «Жил однажды лев, которому страшно хотелось иметь *крылья, как у орла*» («Литературная газета», 1970, № 8); «Она была совсем не красива — маленького роста, с незначительным лицом, кое-где покрытым веснушками, *со щечками, как у лягушонка...*» (В. Катаев. Святой колодец).

Так реализуется в союзной конструкции первое свойство словоформы *у + род. пад.* — связь с существительным, обозначающая посессивное отношение. Здесь же, кстати, проявляется и различие в функциях род. беспредложного и род. с предлогом *у*, хотя в обоих случаях находят притяжательное значение²⁶: род. беспредложный в соответствующей присоюзной функции, насколько нам известно, не используется²⁷.

²⁵ Об определительной функции *как — у* см. также: В. И. Кононенко. Указ. работа, стр. 81.

²⁶ «Словосочетания с предлогом *у*, в которых главное слово — имя существительное — ни по словообразовательному составу, ни по значению не соотносительно с глаголом или именем прилагательным, выражают те же отношения принадлежности, что и соответствующие беспредложные словосочетания с родительным падежом... Ср.: *голова у ребенка — голова ребенка*». (Грамматика русского языка. Т. II. Ч. I, стр. 256).

²⁷ Различие в функциях беспредложного род. и род. с предлогом *у* исключает их синтаксический параллелизм, поэтому наличие при существительном такого определителя (так же, как и притяжательного прилагательного) конструктивной роли, по нашему мнению, не играет. Например: «...лицо его под пиренейским солнцем стало оливковым, *как у испанца*» (В. Панова. Кружилиха); «И ухо крестьянское становится большим и чутким, *как у зайца*» (М. Стельмах. Хлеб и соль). Эти определители лишены значения косвенного субъекта. Однако семантика существительного, называющего предмет обладания, отличается самостоятельностью (релятивностью, по В. Шмилаэуру), которая проявляется в

Что вносит союз, в данное на уровне словоформ отношение?

Ясно, что союз лишь опирается на определенный тип семантико-синтаксической связи слов (например, сущ. со значением органической части живого существа + название живого существа в форме *y + род. пад.*), но не указывает на реальную принадлежность одного предмета другому как части целому: в основной части предложения назван, например, человеческий орган, а в союзном обороте — дано название животного (тип *глаза как у кошки*), т. е. логически здесь эллипсис (*глаза как глаза у кошки*), но синтаксически эллипсиса нет: он снимается именно союзом. Союз своим значением устанавливает определенное семантическое отношение — отношение не-реальности того, что данный предмет принадлежит живому существу (*глаза как у орла* — кроме всего прочего имеет еще и тот смысл, что эти глаза не орла) и тем самым создает специфическое атрибутивное значение (характеристика предмета путем указания на сходство). Союз, таким образом, делает связь двух слов непосредственной синтаксической связью, не предполагающей никакого пропущенного звена.

II. Двойное отношение словоформы *y + род. пад.* и к имени и к предикату предложения своеобразно преломляется при союзном введении.

Если «до союза» предложно-падежная форма преимущественно относилась к имени (*голова у ребенка*), проявляя к предикату лишь скрытое тяготение (которое выявлялось в контактном положении детерминанта — *у меня болит голова*), то при союзном введении *y + род. пад. сущ.* вступает с глаголом или прилагательным в грамматическую связь: 1) (*глаза сверкали, как у хищника*; 2) *гибкое, как у змеи (тело)*. Например: «Локти болтались, как у деревенских мальчишек, которые скачут в ночное на неоседланных клячах» (А. Кузрин. Винная бочка); «а глаза, пронзительные, как у галки, с непреклонной доброжелательностью глухой классной дамы смотрели прямо в мои глаза» (В. Катаев. Святой колодец).

большей или меньшей степени. Поэтому построения типа «глаза как у орла» производят впечатление незавершенной конструкции. Определитель здесь действительно нужен, но в союзную конструкцию он не входит, а определенность значения такого существительного, как «лицо», «голова» и т. д., обеспечивается в контексте разными средствами, в том числе и не грамматическими. Ср., например: «А они ничего, тело обнажено, голова открыта, потому что в тростниковой широкой шляпе неловко было бы носить на шее кули; только косы, чтоб не мешали, подобраны на затылке, как у женщины» (А. Гончаров. Фрегат «Паллада»).

Здесь сочетаемость имеет уже иной (по сравнению с до-союзной основой) характер и свое, определяемое союзным отношением, значение: «до союза» это отношение косвенного субъекта (*у мальчишек*) к действию (*болтались локти*) или к признаку (*длинные руки*), при наличии же союза — это отношение одного признака к другому (усиление, уточнение признака): *полосатая, как у молодого тигра, грудь* — (С. Гончар. Таврия. Перекоп); *острые, как у хоря, но веселые глаза* — (М. Шолохов. Тихий Дон); *глаза блестели, как у мышки* — (Ю. Бондарев. Горячий снег); *щеки побледнели, как у неживой*.

Существительное обязательно включается в это отношение, но союз на связь словоформы с ним не указывает: опорное существительное располагается или перед названием признака, или после оборота: «только *глаза его были холодны и горды, как у царя птиц*» (М. Горький. Старуха Изергиль); «...выкрикивал тонким, резким и срывающимся, как у молодого петушка, *голосом*» (А. Куприн. Поединок).

Таков наиболее соответствующий смыслу отношений порядок компонентов. Схема его: *прилаг. — как у — сущ./сущ. — прилаг. — как у*²⁸ (ср. до союза: *сущ. — у + род. пад. — прилаг.*: *Глаза у орла зоркие*).

При глаголе наблюдаются эти же два варианта, но в обратном отношении:

сущ. — глагол — как у/глагол — как у — сущ. (Ср. до союза: *Глаза у Пугачева засверкали*).

а) «Под опухшими глазами ее — печальная синь; нос и тот *заострился, как у неживой* (М. Шолохов. Поднятая целина); «Распахнутые, круглые, они (глаза) *вращались, как у ребенка*, который еще не научился смотреть...» (К. Федин. Города и годы); «Черные, по-девичьи длинные ресницы *выделяются, как у взрослого*» (М. Стельмах. Кровь людская — не водица);

б) (редко): *заострился, как у неживой, нос*²⁹.

На фоне двух указанных видов словорасположения позиция оборота по отношению к прилагательному и глаголу выступает как инверсия (такое построение обычно двузвучно):

²⁸ Употребительность вариантов соответствует исходному и инверсионному порядку до союза, в атрибутивном сочетании (прил.+сущ.).

²⁹ Употребительность вариантов имеет здесь ту же обусловленность (существительное+глагол).

1) при прилагательном:

«*Кожа на лице... как у женщины, белая*» (В. Анчишкин. Арктический роман); -редкий случай инверсии: «...он еще яснее видит и землистые руки, и, *как у кошки, блестящие, где-то вверху, зеленые глаза*» (В. Гиляровский. Без возврата);

2) при глаголе:

«На минуту идиот умолк, большая *голова, как у заводной куклы, поворачивалась, ища чего-то глазами*» (А. Куприн. Жрец); «*Ряса в пыли, пот катит ручьем, глаза, как у быка, набрякли кровью*» (О. Гончар. Таврия. Перекоп).

Таким образом, во всех приведенных во втором разделе примерах представлена следующая синтаксическая схема: сравнительный оборот относится к слову с признаковым значением (контактная постпозиция) и через него к существительному (в непосредственной сочетаемости связь не реализуется). Та же схема отношений действует при других словоформах, в частности при именительном падеже. Ср.: *цепочка рвется, как нитка; цепочка тонкая, как нитка*. Единство схемы отношений обусловлено субъектным значением присоюзной словоформы (прямой субъект при им. пад., косвенный — при *у+род. пад.*).

Характеризующее отношение сравнительного оборота к названию предмета может быть двуступенчатым. Это наблюдается при глаголах, когда качественно характеризующее значение он получает при помощи определителя. Например: «*Говорила она тихо, но голос звучал сильно, как у певиц с прирожденной полнотой слуха*» (К. Федин. Необыкновенное лето); «*и зубы блистали украдкой — тоже невинно, как у детей*» (И. С. Тургенев. Вешние воды); «*меньшая, Альбина, любимица отца, живая, костлявая девочка, с вьющимися белокурыми волосами и широко, как у отца, расставленными большими блестящими голубыми глазами*» (Л. Толстой. За что?).

Так появляется второй посредник в отношениях между сравнительным оборотом и опорным существительным. Существительные отдаляются друг от друга, связь между ними ослабевает, но не прерывается:

глазами — расставленными — широко — как у отца.

Итак, можно противопоставить непосредственное отношение формы *как — у+род. пад. суц.* к существительному (тип *глаза, как у орла*) и опосредованное (одноступенчатое: *глаза зоркие, как у орла* и многоступенчатое: *глаза*

расставлены широко, как у отца, сводимое к одноступенчатому: *глаза — широко расставленные — как у отца*).

Противопоставление глагола и прилагательного в данной союзной конструкции не существенно (это «третий член» двустороннего отношения). Различие легко стирается благодаря форме причастия. Ср., например:

«Светлые, короткие и мягкие волосы *расчесаны, как у взрослого*, английским прямым пробором» (А. Куприн. Бедный принц); «Со страшными усилиями приподнимает он с земли грузное, *отяжелевшее, как у мертвеца*, тело и взваливает его на тачку» (А. Куприн. В недрах земли).

Соединение глагола с качественным наречием, к которому примыкает сравнительный оборот (*глаза глядели зорко, как у орла*) также сглаживает это различие. Мало того, определитель опорного существительного может вообще иметь иное морфологическое выражение (например, предложно-падежная форма существительного), но синтаксическое отношение, выраженное союзом, остается тем же самым. Так, мы склонны объяснять, в частности, следующие факты:

«Сундучок был *из железа*, как у паровозных машинистов, и тоже замкнутый» (Вс. Кочетов. Угол падения); «Возле его хижины, *из шкур*, как у всех, стояло множество бочек...» (Н. Еремин. Золотой пояс); «...но Алеша — даром что волосы *до плеч*, как у анархистов, — за почестями не гонялся, в жеренские не метил...» (О. Гончар. Таврия. Перекоп); «...манишка во всю грудь, сизый смушек на голове, глаза *с хищноватыми раскосинками*, как у татарина из-за Перекопа» (О. Гончар. Таврия. Перекоп).

Так преломляется в союзной конструкции не выраженное явно на уровне словоформ «тяготение словоформы *у + род. пад.* к сказуемому предложения». Как видим, для союзной конструкции это не сказуемое, а определитель опорного существительного с признаковым значением (активный признак — глагол, качественный признак — прилагательное или функциональные эквиваленты).

III. Двустороннее отношение сравнительного оборота — к названию предмета и к названию его признака — создает позицию, которую часто определяют как «отношение ко всему предложению». Действительно, если предмет назван существительным, выступающим в роли подлежащего, а его признак — глаголом или прилагательным, выступающим в роли

сказуемого, то оборот *как у* относится к предложению³⁰: «Лицо художавое, землистое, наверное, от въевшейся угольной пыли, а глаза синие и ласковые, как у девушки» (О. Гончар. Таврия. Перекоп).

Однако указание на отношение ко всему предложению мало что объясняет: ведь те же члены союзной конструкции могут быть в другой синтаксической позиции — например, выступать как определяемое и определение, — тогда об отношении ко всему предложению не может быть и речи. Например: «Неожиданно Данько поймал на себе ее *взгляд — далекий, ясный и зоркий, как у птицы*» (О. Гончар. Таврия. Перекоп).

К тому же в отличие от детерминанта, как он определен у Н. Ю. Шведовой, сравнительный оборот, относящийся ко всему предложению, сохраняет присловную связь: союз создает сочетаемость типа *зоркие, как у орла, блестят, как у кошки*³¹.

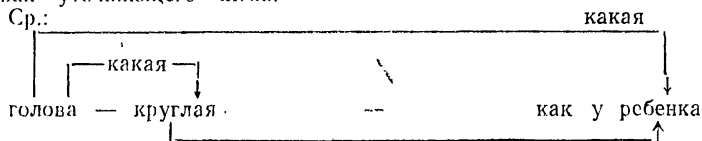
И тем не менее, положение сравнительного оборота после тех двух членов, к которым он относится (практически часто в конце предложения), ставит его в позицию, характерную для детерминанта.

Дело в том, что в языке есть такая модель: *предложение + как у*. Оборот *как у* в определенных условиях действительно выступает как детерминант. К этому ведут все три отмеченные выше свойства словоформы *у + род. пад.*: слабые присловные связи, предложенческая функция

³⁰ Так же определяется в этих условиях синтаксическая функция сравнительного оборота с им. пад. (Грамматика русского языка. Т. II. Ч. II, стр. 371).

Ср. об отношении ко всему предложению словоформы *у + род. пад.* до союза (Грамматика русского языка. Т. II. Ч. I, стр. 256).

³¹ Характер всех таких сочетаний (*быстрый, как кошка, зоркий, как у орла*) требует специального анализа. Нельзя согласиться с простым приравниванием наблюдаемых здесь отношений к обстоятельственным (см., например, у В. И. Кононенко, указ. работа, стр. 59). Связь прилагательного и оборота *как у* не соответствует модели прилагательное + наречие степени. Специфику создает именно двустороннее отношение словоформы: в предложении «голова круглая, как у ребенка» форма *как у* может быть понята и как занимающая место зависимого распространителя прилагательного, и как включенная в синтаксический «ряд» на правах уточняющего члена.

и субъективное значение. Конечно, союз с его специфической семантикой создает особый тип детерминанта: его закреплённая позиция — конец предложения; оборот *как у* вбирает в себя вещественное содержание предшествующей, предикативной части, так что сравнительный смысл касается не отдельных предметов, признаков или действий, а целиком того «кусочка действительности», который описывается в предложении. Поэтому в основной части может не быть ни опорного существительного, ни указания на его признак или действие. Например:

«В гостиной, кудаходишь прямо с площадки, было все чисто, как у порядочно живущего честного человека» (А. Гончаров. Фрегат «Паллада»); «Все вокруг было неряшливо, как у Варавки, по простодушно» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Союзное введение этого типа имеет два основания: с одной стороны, оно основывается на функции словоформы *у + род.*, когда она выражает не possessивное, а пространственное значение и не требует связи с существительным, прилагательным или глаголом³²; с другой стороны, оно основывается на возможности детерминативной функции словоформы *у + род. пад.* до союза³³, например: *у строителей дела идут хорошо*. З. Д. Попова считает, что форма *у + род. пад.* сохраняет здесь possessивное значение, выступая представителем специального possessивного оборота *у меня есть: у матери болит голова* — значит, что некое действие или состояние принадлежит матери. Поэтому такой детерминант может быть в составе предложения любой структуры³⁴.

На наш взгляд, очень важно, что в позиции детерминанта присловные связи словоформы уходят на второй план, теряют, по существу, свой грамматический характер, становятся необязательными. Ср.: *У него сверкали глаза (Глаза у него сверкали) → У него болят зубы (зубы у него) → У него грипп*. Обозначая «субъект состояния», форма *у + род. пад.* соединяется с предикативной частью, называющей состояние, и таким образом семантика предложений, построенная по об-

³² Об употреблении типа «У них всегда весело», «У вас здесь так тепло» см.: Р. Мгазек, I. Вгум. Указ. статья стр. 109.

³³ И. Ю. Шведова. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? — «Вопросы языкознания», 1968, № 2, стр. 49.

³⁴ З. Д. Попова. Многозначность предложно-падежной формы, стр. 11.

шей схеме *y + род. пад. + предикативная часть*, обобщается: форма *y + род. пад.* «называет лицо, к которому каким-то образом относится действие, описываемое в предложении»³⁵; Ср.: *У него болит голова! несчастье! все хорошо! укресли машину! ушла жена* и т. д.

С другой стороны, в этой позиции сглаживается различие в значении словоформы: «посессивное» значение и «метонимическое пространственное» могут не различаться. Ср.: *Мы собирались у Дарьи Ивановны → У Дарьи Ивановны собирались гости → У Дарьи Ивановны болит голова.*

На этом, по нашему мнению, основано такое положение оборота как *y*, при котором отношение «ко всему предложению» и связь его с определенными словами резко не противопоставлены³⁶. Например: *«Но Любка лежала на кровати неподвижно, молча, с лицом, застывшим и белым, и в опущенных уголках ее большого рта обозначилась горькая складка, как у матери».* (А. Фадеев. Молодая гвардия).

Формально-синтаксическим условием указанной нейтрализации служит порядок слов: схема *предмет — признак (глаза засверкали)* и выявляет присловную позицию, схема *признак — предмет (засверкали глаза)* затушевывает ее, например: *«В нем появилась уже солидность, как у крестьянского парнишки, впервые взявшего в руки вожжи»* (Б. Горбатов. Мое поколение).

Но есть и другое обстоятельство, не менее существенное: если название предмета и его признака даны вне предикативного ядра, то отнесенность сравнительного значения оборота даже при обратном порядке слов ограничена, поскольку ограничены возможности распространения соответствующих слов. Например: *«И тогда он, маленький дед, с взъерошенными серыми перышками, как у воробышка, очень жалел о том, что не умер прошлой зимой»* (А. Фадеев. Молодая гвардия). Если же название предмета и его признака составляют предикативное ядро, то границы распространения сравнительного отношения теряются и могут совпадать с границами предложения, так как возможности распространения предикативного ядра другими словами, по существу, не ограничены. Ср., например: *«Голова склонилась на плечо, и коса лежит на шее, наспех свернутая тяжелым узлом, как у замужней»* (О. Гончар. Таврия. Перекоп); *«Прямые, жесткие, черные — в синеву — во-*

³⁵ Там же.

³⁶ Ср. А. А. Камынина. Указ. статья, стр. 79.

лосы падали ей на лоб и на виски, как у японской куклы» (А. Куприн. Жанета); «Ее губы шептали что-то, и на бледном лице проявилась гримаса нетерпеливого страдания, как у балованного ребенка» (В. Короленко. Слепой музыкант). Во всяком случае, формально граница отнесенности сравнительного оборота при таких условиях не обозначена.

Наконец, название предмета и приписываемого ему признака может быть не дано в непосредственном грамматическом сочетании, тогда отнесенность ко всему предложению оказывается сильнее, чем присловная связь. Например: «*Что-то во взгляде ее томилось жалкое и в то же время смертельно ожесточенное, как у затравленного зверя...*» (М. Шолохов. Тихий Дон); «Было в нем, в блеске его глаз в этот миг что-то страшное, как у припадочных» (О. Гончар. Таврия. Перекон).

Такова третья возможность употребления оборота как у, вытекающая из свойств словоформы.

Эти же свойства обеспечивают обороту как у особую содержательность, смысловую емкость и относительную самостоятельность. Его значение шире, чем лексическое значение входящих в него слов, так как на оборот как бы проецируется отношение между словоформами (в том числе и предикативное отношение), на основе которого стала возможной союзная связь как явление синтаксически вторичное. Содержательность оборота как у подчеркивает своеобразная способность его к распространению: при словоформе *у + род. пад.* нередко наблюдается другая предложно-падежная словоформа, ориентированная на ту же часть предложения, что и *у + род. пад.* Например: «Тепло, как у нас в июле» (А. Гончаров. Фрегат «Паллада»). В отличие от распространителя, связанного с существительным по модели слабого именного примыкания (например, «Широкое, овальное лицо, изрезанное морщинами и одутловатое, освещалось темными глазами, тревожно-грустными, как у большинства женщин в слободке» — М. Горький. Мать), эта словоформа не находится в прямой грамматической связи с первой и может быть оправдана только при учете принципа вторичных союзных связей. В одних случаях она выступает как дополнительный определитель к первой, в других соседствует с ней по типу второго детерминанта³⁷. Например:

а) «Сердце билось тревогой и радостью, как у птицы в вы-

³⁷ Грамматика современного русского литературного языка, стр. 632—633.

шине» (А. Толстой. Хождение по мукам); «От ангела оставался каменный хитон и одно крыло — гордое и красивое, *как у лебедя на взмахе*» (Ю. Нагибин. Срочно требуются седые человеческие волосы);

б) «Тепло, *как у нас в июле*, и то за городом...» (А. Гончаров. Фрегат «Паллада»); «Приказчик в кожаных лакированных нарукавниках — *как до революции у Чикина* — с почтительным смятением грузил в большой лубяной короб все то, что диктовал Маяковский...» (В. Катаев. Трава забвения)³⁸.

Такое соседство словоформ говорит как будто в пользу понимания оборота как эллиптической конструкции, но может быть истолковано и иначе. Однако само это явление носит более широкий характер и должно быть рассмотрено особо.

³⁸ О свободном передвижении детерминантов (У старика для каждого... Для каждого у старика) — там же.

ФУНКЦИИ ОГРАНИЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА «ТОЛЬКО» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Синтаксические связи и функции разного рода служебных слов — это две тесно связанные, пересекающиеся проблемы. Изучение функционирования союзов, предлогов, коррелятивов и подобных слов не просто дает материал для теории связей, но представляет собой составную часть этой общей проблемы. В этом смысле положение частиц несколько особое.

Синтаксические свойства слов, относимых к категории частиц, изучены недостаточно. Между тем о значении служебных слов нельзя говорить, не имея синтаксической характеристики каждого, отдельно взятого слова, не выяснив его роли в оформлении синтаксических отношений.

Слово *только* может привлекать внимание и как одна из самых распространенных и типичных частиц, и как «гибридное слово» союзного типа. Не случайно поэтому оно не только отмечено во многих работах¹, но и не раз было объектом специального исследования². При разных постановках вопроса и разных частных наблюдениях совпадают такие характеристики *только*: во-первых, в самом распространенном употреблении это ограничительная (ограничительно-выделительная) частица; во-вторых, оно часто встречается в союзной

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., Учпедгиз, 1947; А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., изд-во АН СССР, 1953, стр. 262; Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., «Наука», 1960, стр. 218—222.

² См.: Ю. И. Леденев. О грамматической роли слов *только* и *лишь* в современном русском литературном языке. — «Русский язык в школе», 1961, № 1; Т. К. Иванова. Функции частиц *во* и *только* в современном русском языке. Канд. дисс. М., 1970; Н. Н. Холодов. Сложносочиненные предложения с союзом «только», синонимичным союзу «что». — «Русский язык в школе», 1970, № 6.

функции («частица в союзной функции», «союз — частица», «гибридный союз», «союз»). Остается спорным вопрос о лексическом значении *только* в связи с проблемой лексического значения частиц (является ли оно собственным значением частиц или принадлежит всему построению)³ — и о возможности полисемии у него (как у служебного слова)⁴. Неясна также связь между идеальной частицей и союзным *только*. Именно поэтому прибегают к терминам «гибридное слово», «гибридный союз». Подобные термины вошли сейчас в обиход, и они действительно удобны для квалификации значительной группы слов неясной грамматической природы. Но, констатируя существование свойств разных частей речи у одного слова, они не вскрывают самого существа явления и позволяют подвести под эту рубрику совершенно разные в грамматическом отношении слова⁵.

Для каждого «гибридного слова» важно выяснить причины и суть этой двойственности. В частности, для слова *только* интересно не просто описать все многообразие его употреблений, в том числе и союзных, но и объяснить эти разнообразные употребления, установить связь между разными его функциями.

1. Исходным употреблением слова *только* является функция ограничительной частицы (оно наиболее распространено именно в такой функции, и характеристику его всегда начинают с этого употребления⁶), а основным лексическим значением — значение ограничительное. Лексическое значение служебных слов, и частиц в частности, с трудом поддается толкованию — отсюда суждения о неопределенности, отвлеченно-

³ Ср., например, точку зрения Н. Ю. Шведовой об отсутствии собственного лексического значения у частиц (Н. Ю. Шведова. Указ. работа, стр. 18—20).

⁴ Ср., например, мнение Н. М. Киселевой о невозможности полисемии у союзов, поскольку значение их — «это функциональное, грамматическое, но не лексическое значение в обычном понимании этого термина» (Н. М. Киселева. Противительные союзы в простом предложении современного русского литературного языка. Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 7).

⁵ В «Грамматике современного русского литературного языка», например, к «гибридным союзам» относят и вводные слова типа *значит, следовательно, во-первых* и другие, и присоединительные слова вроде *притом*, и частицы *даже, ведь тоже* (Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, стр. 313).

⁶ Ср. последовательность толкований значений «только» в толковых словарях (например, Словарь русского языка. Т. IV. М., 1961, стр. 517): в указ. работе Н. Ю. Шведовой, в указ. специальных работах.

сти ослабленности этих значений⁷. Тем не менее значение каждого служебного слова должно быть определено.

Значение ограничительности, как и всякое другое, может быть истолковано. Вот, например, определение, приводимое А. Б. Шапиро: «Значение частицы «только» — ограничительное: она указывает, что утверждаемое в данном предложении относится исключительно к данному предмету, качеству, действию»⁸. В определении отражена одна сторона ограничительного значения, а именно значение единственности: отмечая компонент предложения, *только* показывает единственность факта, обозначенного этим компонентом.

Значение частицы не замыкается однако в этом компоненте: единственный факт всегда имеет отношение к признаку, выраженному сказуемым (предикативным членом). Этим фактом ограничивается:

распространение признака: «И *только к свету стремится* все в мире» (И. Бунин. Море богов); «...женский смех... звенел непрерывно и возбужденно, как *звенит он только ранней весной*» (А. Куприн. Поединок); «...неужели мы будем с тобой *встречаться только по делу?*» (А. Фадеев. Молодая гвардия); «*Вся его жизнь посвящена только шахматам*» («Комсомольская правда», 1971, № 63); или проявление признака: «По-настоящему *понравился ей только Телегин*» (А. Толстой. Сестры); «*Без юмора живут только глупые*» (М. Пришвин. Раздумья); «*Только герои и гении возвышаются над обстоятельствами*» (А. Крон. Дом и корабль). (Проявление признака ограничивается субъектом).

Значит, полностью ограничительное значение⁹ частицы проявляется как отношение компонента, отмеченного

⁷ Принимая точку зрения о наличии лексического значения у частиц, мы имеем в виду, что каждая частица, как слово, обладает своим собственным индивидуальным значением, которым и оправдано ее существование в языке.

⁸ См.: А. Б. Шапиро. Указ. работа, стр. 262.

⁹ Ограничительное значение может проявляться и в полупредикативной части предложения, выраженной причастным или деепричастным оборотом, ср.: «...идти пришлось как в молоке, *только по хрусту гравия определяя дорогу*» (А. Толстой. Сестры); «Вскоре около балкона осталась небольшая кучка людей, слушавших Вандервельде, очевидно, *только из*

частицей и потому обозначающего единственный факт, к сказуемому (предикативному члену) предложения.

Это отношение грамматически выявлено в тех случаях, когда сказуемое отмечено частицей *и*, например:

«...этим *только я и живу*» (А. Чехов. Черный монах); «Мы тем *только и* отличаемся от листьев древесных, что это знаем» (М. Пришвин. Раздумья); «Сегодня в городе *только об этом и* говорят» (А. Фадеев. Молодая гвардия); «Я для того *только и* заехал, чтобы посмотреть на тебя» (В. Панова. Времена года); «Неподвижные, они *только неподвижностью и* напоминали статую» (А. Крон. Дом и корабль).

Фразеосхема¹⁰ *только X и C* (где C — сказуемое, а X — отмеченный частицей компонент) приспособлена именно для выражения ограничительного отношения внутри простого предложения.

Ограничивающее отношение определенного компонента к сказуемому *только* показывает и в том случае, когда, объединяясь с *и* во фразеологизм, стоит при сказуемом: ср.: «Все в городе *только и* говорили об этом случае» (А. Фадеев. Молодая гвардия). Хотя *только* находится перед сказуемым, оно акцентирует не сказуемое, а другой, ограничивающий, компонент, показывая его ограничительное значение (ср.: Все в городе *только об этом случае и* говорили). Ср. еще: «Он *только и* видел это большое темное пятно» (А. Фадеев. Молодая гвардия); «Об этих звездах *только и* скажешь, что они сидели» (Ю. Олеша. Ни дня без строчки)¹¹.

Такое же значение частицы *только* проявляется и при употреблении ее во фразеологической конструкции с союзом *что*, который здесь не имеет связующей функции, а выступает как средство выделения ограничивающего компонента:

«Некоторые *только и жили, что винтом, штоссом и ландскнехтом*» (А. Куприн. Поединок); «Недавно еще кишрей считали сорной травой. Он *только и годился, что на дешевый чай*» (К. Паустовский. Заботливый цветок);

вежливости» (К. Паустовский. Повесть о жизни). В дальнейшем случаи употребления *только* в полупредикативной части особо рассматривать не будем.

¹⁰ О фразеосхемах, или «связанных» синтаксических конструкциях, см. в статье Д. Н. Шмелева «О связанных синтаксических конструкциях в русском языке». — «Вопросы языкознания», 1960, № 5.

¹¹ В последнем примере ограничивающий компонент — придаточное предложение, выступающее как эквивалент члена предложения.

«...поднявшись на следующую ступеньку своего успеха и карьеры, он *только и думает, что о еще и еще следующей*» (В. Лакшин. Мудрецы Островского — в истории и на сцене).

Если ограничительное значение проявляется в отношении к сказуемому, значит, оно относится и ко всему предложению, поскольку сказуемое — конституирующий член предложения¹². Как всякое значение, свойственное предложению, оно может быть выражено шире, чем в одном слове, оно может быть как бы разлито в предложении, в различных его элементах¹³.

Вот наиболее типичные проявления ограничительного значения помимо частицы:

1. Предикативный член предложения может быть выражен словом определенной, ограничительной семантики: слово обозначает такой признак, который распространяется на что-то единственное (ограничить распространение такого признака в сущности уже невозможно):

«Иногда ему *достаточно* было *только* слово сказать или даже просто посмотреть» (А. Фадеев. Молодая гвардия); «ЦИКу Северокавказской республики *оставалось только* признать за ним главенство в военных операциях» (А. Толстой. Восемнадцатый год); «...все цели своего существования *сводят только* к тому, чтобы найти чудодейственное растение» (В. Арсеньев. Искатели женьшеня); «Заказник *не ограничивается только* территорией Врангеля [острова]» («Известия», 1972, № 9).

2. Отмеченный частицей компонент может быть представлен словом с особым лексическим значением — ограничивающим, то есть обозначающим что-то маленькое, незначительное: факт, названный этим словом, а) действительно очень незначителен или б) воспринимается так при соотношении со значением сказуемого.

а) Таким значением обладает прежде всего числительное

¹² Как конституирующий член предложения, определяющий его значение, характеризует сказуемое Е. Курилсвич (см.: Е. Курилсвич. Основные структуры языка: словосочетание и предложение. — В сб.: «Очерки по лингвистике». М., 1962, стр. 53 и др.).

¹³ Проявление в периферийных (для данного значения) элементах предложения свойственно прежде всего категориям грамматическим. Эта особенность грамматических категорий замечена давно и подробно описывается в книге А. В. Бондарко «Грамматическая категория и контекст». Л., «Наука», 1970.

«один»¹⁴, а также и другие слова: «редкий», «ничтожный», «чуть-чуть», «кое-как» и подобные.

«Женьшень — это корень, который есть *только один* на всей земле». (В. Арсеньев. Искатели женьшеня); «Понятнее я могла бы сказать *только в одном* случае: если бы ты сейчас был рядом со мною» (В. Каверин. Перед зеркалом); «Этот бой за фольварк был *только ничтожной* частью огромного сражения, разыгравшегося на фронте...» (А. Толстой. Восемнадцатый год); «На эти деньги можно *только кое-как* залатать единственную связь Тарусы с миром» (К. Паустовский. Письма из Тарусы); «Увядание *чуть-чуть только* тронуло кожу у глаз, шею, руки» (В. Панова. Времена года).

б) Некоторые слова проявляют ограничительность в связи со значением сказуемого, например: «Питался этот старик *только горстью чумизы*» (В. Арсеньев. Искатели женьшеня). Слово «горсть» может и не иметь уменьшительного оттенка (ср. его употребление в том же значении, но в другом контексте: «Набрал горсть песку»), но какой-то элемент такого значения в нем заложен и в данном контексте проявляется по отношению к глаголу «питался» (питаться горстью — значит очень скудно). «Виктора Горбунова Туровцев видел *только издали* и знал больше понаслышке» (А. Крон. Дом и корабль). «Издали» в этом контексте, обнаруживая по отношению к сказуемому ограничивающее значение, показывает, что Туровцев Горбунова и не видел почти.

Выявлению ограничительности в таких словах может служить и актуальное членение предложения: ограничивающее значение слова проявляется при его актуализации — обычно путем вынесения в конец предложения. Ср.: *Мозг ребенка к моменту рождения сформирован только в основных чертах* (Н. Амосов. Умные дети) и *Мозг ребенка к моменту рождения в основных чертах сформирован*. Словосочетание в *основных чертах* проявляет ограничивающее значение («основные» — не все, только некоторые) именно в конце предложения.

¹⁴ Ограничительное значение у этого слова настолько выразительно, что может становиться единственным его значением — тогда «один» превращается в частицу: «Я же ничего не знаю и делаю одни глупости» (А. Чехов. Бабе царство). См.: К. И. Мишина. Значение и употребление слова «один» в русском языке. — Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 148, 1960.

Показательно, что без частицы слова, обладающие ограничивающим значением, выявляют его при актуализации¹⁵. Ср.: 1) *Искатель женьшеня вбивает деревянный кол так, чтобы он чуть-чуть торчал из земли* (В. Арсеньев. Искатели женьшеня); 2) *Искатель женьшеня вбивает деревянный кол так, чтобы он только чуть-чуть торчал из земли*; 3) *Искатель женьшеня вбивает кол так, чтобы он торчал из земли чуть-чуть*.

3. В ограничительное отношение может вступать третий компонент (третий после ограничивающего компонента и сказуемого), который показывает, почему распространение признака ограничивается: «...*во весь май было только три солнечных дня*» (А. Чехов. Остров Сахалин); «В самом городе работает *жалкая электростанция*, так называемая «*тархтелка*», дающая ток только *шесть часов в сутки...*» (К. Паустовский. Письмо из Тарусы).

4. Иногда ограничительное значение как бы специально расшифровывается во вставках или в присоединяемых компонентах, например: «У нас неинтересные знакомые, да и тех мало. У нас *только сад, сад, сад — и больше ничего*» (А. Чехов. Черный монах); «...*(мы) были там только раз, да и то проездом в Задонск*» (И. Бунин. Суходол); «Так вот, *только по этим сводкам (не зная других событий)* он должен будет заключить, что в жизни страны около 1953—1954 года произошло что-то такое...» (В. Солоухин. Владимирские проселки); «Настя меня интересует *только как литературный персонаж. Не больше!*» (К. Паустовский. Роза ветров).

Но во всех этих случаях — и при выраженной помимо частицы *только* ограничительности — частица остается главным средством создания этого значения и может быть названа оформителем ограничительного значения, поскольку никакого другого назначения она не имеет¹⁶. Именно частица выявляет

¹⁵ Ср. замечание П. Адамца о том, что «конкретное актуальное членение в известной степени оттеняет лексическое значение отдельных лексических единиц». (См.: П. Адамца. Порядок слов в современном русском языке. Прага, 1966, стр. 33).

¹⁶ В роли «ограничителя» может выступать и другое служебное слово — союз «да», ср.: «О балладе знали только Комовский да Дельвиг» (Ю. Тынянов. Кюхля). Союз «да» содержит в своем лексическом значении элемент ограничительности (Ср.: О балладе знали Комовский да Дельвиг — значит «и никто больше») и самостоятельно выражает ограничительное значение. Однако эта функция у него не главная, а сопровождающая, дополнительная, главной же остается функция связи.

значение, рассеянное в предложении, собирает его в фокус.

Как специализированный показатель определенного значения, частица имеет сходство с союзами: союзы тоже могут оформлять отношения, уже «подготовленные» другими средствами, существующие как бы до союза. Ср. употребление союза *а* для выражения противопоставления: *Ты уезжаешь, а я остаюсь* (противопоставление уже существует благодаря параллелизму строения предикативных единиц и антоимии глаголов)¹⁷.

Если частица — формальное средство выражения ограничительного значения, то ограничительность можно рассматривать как своего рода функционально-семантическую категорию, не опирающуюся на категорию морфологическую, но имеющую свой центр, формальную лексему, и периферию — различные элементы контекста — лексические и лексико-синтаксические¹⁸.

Итак, ограничительное значение частицы *только* проявляется внутри простого предложения — как отношение отмеченного, ограничивающего компонента к предикативному члену предложения.

Собственно синтаксическая функция *только* в простом предложении может быть определена как акцентирующая ая. Акцентирование заключается в выделении ограничивающего компонента с помощью логического ударения и отнесении его к сказуемому. Причем, отнесенность к сказуемому проявляется не только в условиях грамматической связи этого компонента со сказуемым (и на основе словосочетания, и на основе предложения), но и при отсутствии непосредственной сочетаемости:

1) «...милые знакомые улицы Москвы блистали тем прекрасным сиянием, какое можно видеть *только во сне*» (А. Куприн. Поединок); «*Только в первые часы шторм мог казаться поэтичным*» (К. Паустовский. Муза дальних странствий); «От него *сохранилось только название*» (В. Каверин. Перед зеркалом).

2) «Я знаю: быть честным — это та роскошь, которую

¹⁷ Вопрос о том, что первично, а что вторично, здесь не ставится.

¹⁸ О возможности существования функционально-семантических категорий без опоры на категорию морфологическую пишет А. В. Бондарко в книге «Грамматическая категория и контекст». М., «Наука», 1970, стр. 12.

может позволить себе только сильный человек» (В. Белов. Бобришный угор).

Человек — может позволить

| только сильный |

«Прогрессивные силы имеют в своих руках пока только исполнительную власть» («Комсомольская правда», 1970, № 30).

Имеют —

власть

| только исполнительную |

II. Отнесение ограничивающего компонента к сказуемому, то есть проявление ограничительности внутри простого предложения, не единственная реализация этого значения. Оно проявляется иначе, если частица прикреплена к самому сказуемому. В этом случае значение единственности признака обнаруживается на каком-то фоне.

Фонем может служить контекст:

а) предшествующий: «Он уже представлял себе, как Каменский начнет поучать его, спасти душу, и заранее вооружился враждебной холодностью. Однако Каменский только показал ему, как надо распиливать доски» (И. Бунин. На даче) — не начал поучать, спасти душу; «Ступила, конечно, ожидала, что Лида начнет с ней ссориться, то есть кричать и отбиваться, но Лида только презрительно пожала плечами...» (В. Липатов. Лида Вараскина) — не кричала, не отбивалась;

б) последующий:

«...он умеет только отрицать и ничего не дает положительного» (И. Бунин. На даче); «...зритель покидает театр, оставаясь наедине со своими мыслями или вовсе без оных, если спектакль только развлек, но не затронул его, не дал пищи для раздумий» (В. Лакшин. Мудрецы Островского);

в) предполагаемый:

«...он спросил: «Даша, вы будете моей женой?» — Она только взглянула» (А. Толстой. Сестры) — «только взглянула» — значит «ничего не сказала», т. е. совершила действие минимальное на фоне тех, которые можно было бы ожидать; «— Вы эту Америку открыли? Да? — Но старичок только усмехнулся» (И. Бунин. Надписи) — «только усмехнулся» — значит «ничего не сказал».

Для выражения единственности признака. обозначенного

сказуемым, может употребляться фразеологическая конструкция с союзом *что*: «...*только и знаем, что* ссоримся» (А. Чехов. Надлежащие меры); «Мы *только и делаем, что* проливаем слезы над жалкой долей холопов...» (К. Паустовский. Судьба Шарля Лонсевилля); «...мы весь день *только и делали, что* ходили по городу» (В. Солоухин. Серафима); «Последнее время я *только и делал, что* занимался восемнадцатым веком и девятнадцатым веком» (Д. Гранин. Неожиданное утро).

Единственность сообщаемого действия в такой конструкции показывается на фоне действия вообще, идеи действия, выраженной глаголами «знать», «делать».

Наконец, значение единственности может быть сосредоточено в самом глаголе (при определенной семантике) и не нуждается в фоне. В самих значениях глаголов содержится указание на ограничение от всех возможных действий (ср. «но не»).

А. Это, например, группа глаголов со значением недостоверного, нереального действия: *показаться, казаться, чудиться, сниться, присниться* и т. д.: «Если судить по наружному виду, то бухта идеальная, но, увы!— это *только кажется так*» (А. Чехов. Остров Сахалин); «...с минутку (Катя) надеялась, что, быть может, все это страшное ей *только приснилось...*» (А. Толстой. Сестры); «Может быть, мне это *только показалось*, как это часто со мной уже бывало» (К. Паустовский. Песчинки).

Частица *только* показывает, что это нереальное действие единственное, как бы противопоставляя его действиям существующим, достоверным, и одновременно подчеркивает недостоверность.

Б. Значение единственности реализуется без фона и с глаголами, заключающими в своих значениях какую-то положительную оценку самого действия. Частица в этом случае как бы ограничивает это положительное действие от всех других; «Всем моим духом я могу *только благодарить* вас за это чувство» (А. Толстой. Сестры); «Пусть работают и коллеги, и театры— это *только облегчит* путь пьесы к сцене» («Литературная газета», 1972, № 26).

В сочетаниях с определенными грамматическими формами значение единственности может модифицироваться. Например, в случае прикреплённости к именному сказуемому значение *только* (*-и не что другое*) преломляется в значение

«не более чем»¹⁹. Отмеченный частицей, такой предикативный член отрицательно оценивает субъект, ср.: «Это для меня *только звук*, и я не знаю, что он значит...» (И. Бунин. На даче); «Любая эпоха *только разбег* к очередной за нею...» (Л. Леонов. Вор); «Многие думают: Каракумы — это *только бесплодные пески*» (В. Песков. Шаги по росе).

Другой случай преобразования значения единственности — употребление *только* с формой повелительного наклонения. Основное значение частицы преломляется здесь своеобразно — в обозначение стремления говорящего сосредоточить внимание собеседника на определенном факте, ср.: «Вы *только представьте* себе всю ту веселейшую небрежность, с которой совершил свое земное странствие вот этот самый Феодосий» (И. Бунин. Слава); «Нет, ты *только посмотри*, Валя, что это за чудо!» (А. Фадеев. Молодая гвардия).

При отрицании *только* усиливает предостережение²⁰. От ограничительного значения остается стремление сосредоточить внимание на определенном факте: «*Только не думайте*, что я жалуясь ...я объясняю» (Ю. Нагибин. Не дай ему погибнуть); «*Только вы не подумайте* на меня чего-нибудь такого, в смысле коварства и подвоха» (Л. Леонов. Вор).

Подобные отклонения от основного лексического значения, как проявляющиеся в ограниченных синтаксических условиях, следует признать синтаксически связанными значениями²¹. Вне специальных синтаксических условий *только* и при сказуемом сохраняет основное свое значение, проявляя его как отношение на фоне, не оформленном специально.

III. Наконец, ограниченность проявляется в отношениях между синтаксически сопоставляемыми и связываемыми единицами речи²². Условием проявления ограниченности и здесь является фон, который представлен компонентом, синтаксически равноценным акцентуруемому. Частица *только*

¹⁹ Это значение отмечено в словарях. См.: например. Словарь русского языка. Т. IV. М., 1961, стр. 517.

²⁰ Такое употребление частицы *только* отмечает Д. Н. Шмелев (См.: Д. Н. Шмелев. Значение и употребление формы повелительного наклонения в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1955).

²¹ Ср. изменение основного значения *только* в значение *не ранее чем* при обстоятельствах времени: «В следующий раз встретился я с Плехановым *только* на Штутгартском конгрессе». (А. Луначарский. Несколько встреч); «Только к концу сентября перелески обнажились» (К. Паустовский. Желтый свет).

²² В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 705.

при этом оказывается в союзной функции, связывая или однородные члены простого предложения, или части сложного предложения.

В простом предложении при отношении не к предикативному члену, а к синтаксически равноцепному компоненту (однородному члену) ограничительное значение *только* преобразуется в значения противопоставления или исключения — в зависимости от того, на каком фоне представлен единственный факт (выраженный акцентированным компонентом).

Отношения противопоставления возникают при условии «неполного» отрицания, то есть отрицания определенных конкретных фактов, которым противопоставляется единственный утверждающийся. Например: «Ни человеческого голоса, ни птичьего крика, ни плеска рыбы — только низкий бег рыхлых туч» (К. Паустовский. Осенние воды); «В разгар наступления люди, можно сказать, не живут, только воюют» (К. Симонов. Последнее лето); «И думать совсем не нужно — только смотреть и слушать» (Н. Амосов. Мысли и сердце); «На советах он все равно ничего не решал, только присутствовал» (Ч. Айтматов. Белый пароход).

Отношения исключения возникают в двух случаях: или на основе полного отрицания, выраженного отрицательными местоименными словами (или с помощью таких слов): «...во всем мире *никого нет*. Только ты и я» (А. Арбузов. Таня); «...и *не осталось* в зале *ничего и никого*, одно только черное бархатное платье» (В. Солоухин. Серафима), или на основе утверждения всеобщего, из которого исключается что-то единственно отрицаемое: «Даша ждала *всего, но только не* этой повинно и покорно склоненной головы» (А. Толстой. Сестры); «Можно подражать *чему угодно, только не* темпераменту» (М. Светлов. Беседа); «*Кто угодно* может умереть, *только не* Даня» (В. Панова. Спутники); «Всеволод Иванов, например, мог писать *где угодно, но только не* в кабинете и не за столом» («Литературная газета», 1970, № 35).

Построения такого типа фразеологичны: в их состав входят обязательные лексические элементы — местоимение или местоименное идиоматическое сочетание в первой части и частица *только* с последующим отрицанием во второй. Значение таких построений ограничительное, причем ограничительность возведена в очень высокую степень (ср. предложения того же конкретно-лексического содержания, но с обычным выражением ограничительности: *Только темпераменту нельзя подражать, Только Даня не может умереть*).

Частица *только* «не свободна» в отношении синтаксической функции компонентов: это всегда предикативные члены — сказуемые или структурно необходимые компоненты в односоставном предложении. Иногда — обязательные распространители сказуемого: «*Я скажу, что ничего не хочу, — только чтобы меня положили рядом с братом...*» (Л. Толстой. Севастопольские рассказы); «*И Вергасову захотелось сказать что-нибудь приятное этому человеку, не слыжавшему от него до сих пор ни одного теплого слова — только замечания и указания*» (В. Некрасов. В окопах Сталинграда).

Рассмотрим самые распространенные употребления *только* в союзной функции в простом предложении.

I. Чаще всего ограничительное слово *только* связывает два сказуемых, прикрепляясь ко второму из них. Характер отношения обычно противопоставительный, поскольку первый компонент содержит в себе отрицание не всякого действия, а только одного, конкретного, которому противопоставляется другое: «*Я уже не смотрел на него, только слышал этот вздох — тяжелый, прерывистый, долгий...*» (В. Короленко. В дурном обществе); «*...папа ничего не говорил, только смотрел на меня долгим, новым взглядом*» (О. Берггольц. Дневные звезды); «*Он ничего не ответил, только кивнул головой*» (К. Паустовский. Снег).

Выступая в союзной роли, слово *только* не превращается ни в союз, ни в «гибридное слово» — оно остается частицей, сохраняя все свои особенности — прикрепленность к компоненту предложения и ограничительное значение, — но проявляется это значение на фоне первого компонента.

Дополнительным подтверждением принадлежности такого *только* к частицам служит и зависимость характера отношений между компонентами от семантики слов, их выражающих:

а) при семантической одноплановости (глаголы речи, мысли, восприятия, движения) отчетливо выражено противопоставление: «*И говорить не может, только мычит, — видеть, сильно контужен*» (Л. Ленч. Последний патрон); «*...многого в вашей жизни я не знаю. Только могу догадываться*» (В. Амлинский. Жизнь Эрнста Шаталова); «*Даша не могла ни приехать, ни лечь, только ходила, ходила от окна к двери...*» (А. Толстой. Сестры);

б) Если такой одноплановости нет, противопоставление не выражено, отношение *только* ограничительное: «*...на советах он все равно ничего не решал, только присутствовал*» (Ч. Айтматов. Белый пароход): «*...я понял, что не вылечился от сти-*

лизации, *только* вместо картонных лат взял напрокат в костюмерной гимназическую форму» (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь);

в) иногда, при определенном соотношении слов, возникают отношения исключения, — если, например, второй компонент представлен тем же словом, что и первый, или словом, синонимичным ему: «*Ничего не говорил, только сказал, что-бы передали барышне*» (А. Толстой. Сестры),

или если второй компонент обозначает частное (утверждаемое) из общего (отрицаемого), выраженного первым компонентом:

«Он *ничуть не изменился. Только* стал носить очки» (Н. Емельянова. Рассказ о родине) — «стал носить очки» — значит в данном контексте «в какой-то мере изменился».

Все эти различия в отношениях исходят только из соотношений значений слов, составляющих компоненты, а частица сохраняет одно и то же — ограничительное — значение

2. Отношения исключения, оформленные частицей *только*, часто наблюдаются в безличных предложениях с отрицательным главным членом:

«Недавно я смотрел на небо, и на нем *ничего не было — только две белые полосы*» (Л. Толстой. Анна Каренина); «...весь мир поймет, что мы все братья, что *нет другой силы* на свете — *только радость, свобода, любовь, жизнь...*» (А. Толстой. Сестры).

Первый компонент представлен формой родительного падежа при отрицательном главном члене; второй, утверждающийся, имеет форму именительного падежа (в соответствии с системным соотношением именительного и родительного при утверждении и отрицании)²³. Такие построения возможны на основе главного члена разного морфологического выражения (с глагольным «нет» — «не было» (с эллипсисом главного члена); с безличным глаголом; со словом категории состояния): «Женщина всегда нуждается в друге, а у меня его *нет. Только ты...*» (В. Каверин. Перед зеркалом); «*Никого. Только ночь и свобода...*» (А. Блок. Заклятие огнем и мраком); «К полночи ни собаки бездомной *не осталось* на воле, *только*

²³ Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, стр. 564. Ср. также возможное истолкование родительного при отрицательном главном члене как подлежащего, если главным признаком подлежащего считать не его грамматическую независимость, а предцизируемость (см.: А. М. Мух и н. Структура предложения и его модели. Л., «Наука», 1968, стр. 134—136).

ветер да вор» (Л. Леонов. Вор); «...уже ничего *нельзя* было различить, только беленький гребень длинного холма справа от пустыря» (А. Фадеев. Молодая гвардия).

В этих построениях, имеющих отчетливо выраженное значение исключения, ограничительность частицы проявляется максимально выразительно, потому что ограничение представлено на фоне полного отрицания («ни...», «никого», «ничего»), единственность таким образом показана наилучшими средствами²⁴.

Рассмотренные построения выражают именно идею ограничительности. Отношения исключения — только форма для концентрированного ее проявления.

Если же полного отрицания нет, наблюдаются отношения противопоставления: «На карточке не было *ни имени, ни фамилии* ее владельца, только номер и название города (А. Фадеев. Молодая гвардия); «На минуту показалось, что нет на земле *ни больших городов, ни лесов, ни облаков на небе, только этот вот горячий ветер* и барханы, барханы...» (В. Песков. Шаги по росе).

В рассмотренных построениях *только* — ограничительная частица, но прикрепленная к такому компоненту, который проявляет свое значение единственности по отношению к другому компоненту, синтаксически равноценному, и потому представляющая в союзной функции. Считать ее союзом или гибридным словом основания нет, если идти не от союзной роли, а от самой природы слова.

Ограничительное значение *только* может проявляться и в сложном предложении, то есть фоном может служить не только компонент простого предложения, но и целая предикативная единица, которая представляет собою или часть сложного предложения, или самостоятельное предложение²⁵.

²⁴ Интересно в связи с этим объяснить В. Д. Левиным значения предлога *кроме* путем синонимической замены оборота построением с частицей *только*. Такое объяснение может быть свидетельством того, что *только* — идеальное средство обозначения ограничительности (см.: В. Д. Левин. О значениях предлога «кроме» в современном русском литературном языке. — В сб.: «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., изд-во АН СССР, 1956, стр. 161).

²⁵ Считаю, что при анализе функций частицы не имеет смысла различать единое предложение и объединение двух самостоятельных предложений, граница между которыми на письме показана точкой. С точки зрения синтаксического построения это одно и то же, ср.: «Двор был пустынен, только в левом дальнем углу его в мусорной яме копался мальчик лет семи» (А. Фадеев. Последний из удэге) и «В лугах было пусто.

Типы отношений в сложном предложении те же, что и в простом: отношения противопоставления и отношения исключения, — но проявляются они своеобразно, поскольку компоненты их естественно сложнее, каждый имеет свое внутреннее строение.

1. Слово *только* в предложениях с отношениями противопоставления.

При одном и том же значении противопоставления можно заметить несколько разновидностей построений, в зависимости от того, какие компоненты противопоставлены — целые ли предложения, или определенные части — их и какие именно части. Центрами противопоставления в любом случае являются предикаты; они противопоставлены всегда.

А. Противопоставление предикативных единиц может быть сведено к противопоставлению предикатов (при повторяющемся, одном и том же субъекте): «*Я не был на маяке, я только видел, как он горит*» (Ю. Олеша. Ни дня без строчки); «*Он не творит природу и не уничтожает ее, он только вносит в нее свой математически могучий корректив*» (А. Макаренко. Книга для родителей).

Б. Предикаты могут быть противопоставлены не сами по себе, а через объекты (обязательные распространители сказуемого): «*В сундучках, в узлах везли добро, что попадалось под руку... и пулемет, и замок от орудия... Не везли только денег* — этот хлам не годился даже вертеть козы ножки» (А. Толстой. Сестры); «*Не знаю, была ли это правда. Знаю только, что утром на тротуаре возле больницы Дюбуше я сам, своими глазами видел смоляные капли*» (В. Катаев. Маленькая железная дверь в стене). (В последнем примере синтаксическое место сильноуправляемого слова занимает его эквивалент — придаточное предложение²⁶).

Только вдалеке пожилой колхозник в валенках городил вокруг стога изгородь» (К. Паустовский. Осенние воды). Различия касаются не самого построения, а синтаксиса текста, и для нас они несущественны. Поэтому и те, и другие объединения будем рассматривать вместе.

²⁶ Мы сознательно не употребляем здесь терминов конструктивного синтаксиса — подлежащее и сказуемое: для сложного предложения структура предикативных единиц обычно неважна — зато характер отношений может проявляться в их коммуникативной расчлененности. Ср. замечание В. А. Белошапковой: «Примечательно, что не существует прямых ограничительных связей между двусоставностью — односоставностью предикативных единиц и типами сложного предложения, части которого они составляют» (В. А. Белошапкова. Сложное предложение в современном русском языке. М., «Просвещение», 1967, стр. 147).

Внешне здесь противопоставлены признаки (сказуемые): при них находятся оформители отношений — *не* и *только*. Однако относится *только* не к самому сказуемому, а к его распространителю. Следовательно, противопоставление осуществляется через объект (распространитель).

В. Наконец, противопоставление может охватывать предикативные единицы в целом. При этом противопоставление может быть расчлененным и нерасчлененным. В первом случае отчетливо противопоставлены и субъекты, и предикаты²⁷: «Казачи на службе, старики на охоте, рыбной ловле... Только совсем старые и больные остаются дома» (Л. Толстой. Казаки).

Для расчлененного противопоставления характерен параллелизм строения частей: «...троспинка обветрилась, траву обдуло, только земля сама была черная и рыхлая» (В. Солоухин. Владимирские проселки); «Росту он был маленького..., лицом некрасив, нос шишкой... Только лоб, очень большой и бугристый, был хорош» (В. Панова. Времена года); «Не существовало и будущего, было одно только настоящее, то, что уже есть...» (В. Белов. Бобришный угор).

Параллелизм может быть осложнен инверсией: «Гнев погас в темных глазах Рублева, в них была только бессонная усталость» (А. Толстой. Сестры); «И радость, и горе надо забывать, а помнить надо только мысль в ее вечном движении» (М. Пришвин. Раздумья); «...слов уже нельзя разобрать, слышен только неприятный гул» (А. Горький. Ледоход) и т. д.

Все эти факты объединяются в том отношении, что противопоставление дано расчлененно: противопоставлены определенные компоненты, главные для сложного (но не обязательные для простого) предложения.

В других случаях противопоставление нерасчленено, то есть противопоставленными оказываются содержания первого и второго компонентов в целом. Например: «Синий табачный дым улетал в небо, где не было ни одного облачка и только сверкало белое солнце здешней зимы» (К. Паустовский. Жел-

²⁷ Подобные предложения некоторые исследователи рассматривают как квазисложные. Например, И. Н. Егорова их характеризует так: «...придаточное предложение соединено с главным уже не по законам сцепления предложений, а по законам синтаксического распространения слов» (И. Н. Егорова. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. — В сб.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука» 1967, стр. 78).

тый свет); «На стройке не было ни души, *только* курганами громоздился битый кирпич» (И. Грекова. На испытаниях).

2. *Только* в предложениях с отношениями исключения.

А. Если обе части расчленены, то субъект второй части находится в отношении исключения с субъектом первой части, а предикаты противопоставлены: «*Все* было серое: небо, дым, над крышами, самый воздух. *Только* асфальт блестел, как черная роса» (К. Паустовский. Бриз); «Впрочем, *извозчики не обращали* на меня внимания, *только* один вдруг с шумом встал, посмотрел на меня хитрыми глазами и сказал «Разве это жизнь?» (И. Эренбург. Люди, годы, жизнь); «*Все счастливы. Только* я чувствую себя обманщиком» (Н. Амосов. Мысли и сердце); «Одним словом, *все было лучше, только вокзала мы слегка стыдились*» (В. Некрасов. Дедушка и внучек).

При нерасчлененности первой части (если это односоставное предложение или двусоставное, не имеющее основы — по Адамцу²⁸) расчлененность второй не имеет значения для сложного предложения: из содержания первой части исключается то, что выражено второй частью в целом: «Тихо. *Только* кусты, колеблемые течением, шуршат о челнок» (М. Горький. Ералаш); «Стало совсем тихо, слышались *только* удары» (А. Толстой. Восемнадцатый год); «Простились птицы с уснувшим, оцепеневшим лесом. *Только* дрозды, увлеченные пиром, снуют по рябине» (В. Песков. Шаги по росе) и т. д.

Итак, и в сложном предложении ограничительное значение *только* проявляется как отношение — отношение одной предикативной единицы к другой. Слово *только*, следовательно, — средство выражения этого отношения, то есть оно выполняет роль союза. Можно ли говорить о превращении его в союз?

По-видимому, в большей части случаев, когда *только* акцентирует какой-то компонент, слово это остается частицей: «...многие экспедиции потерпели аварии, *только* в моем отряде не было несчастий» (В. Арсеньев. Сквозь тайгу). Несомненно связующая, союзная роль этого слова: ограничение дается на фоне, и именно поэтому возникают отношения исключения. Но очевидно также, что *только* сохраняет все свойства ограничительной частицы: прикрепленность и значение. Следовательно, *только* все-таки частица.

В случаях же отсутствия явной прикрепленности к какому-

²⁸ См. П. Адамец. Указ. работа, стр. 20 и др.

то компоненту (или лишь внешней прикрепленности, не имеющей значения в пределах простого предложения) можно было бы говорить о превращении в союз: «Там лежала крошечная тьма. Только снег белел на деревьях» (К. Паустовский. Снег).

Ограничительное слово *только*, акцентируя подлежащее, относится ко всему второму предложению и служит для его связи с первым. В этом смысле оно может рассматриваться как союз²⁹ — для этого есть определенные основания. Но, может быть, это особая прикрепленность частицы — прикрепленность ко всему предикативному центру (только снег белел/только белел снег). Ведь возможно такое употребление *только* и вне союзной функции: «Во тьме *только снег белел на деревьях*». Или: «...сад был еще низок и гол, прозрачен, — *только зеленели поляны*, все испещренные мелкими бирюзовыми цветочками...» (И. Бунин. Митина любовь) — В саду только зеленели поляны.

Если же прикрепленность не к одному компоненту простого предложения, а ко всему предикативному центру для *только* в принципе возможна, значит, и в таких сложных предложениях слово *только* остается ограничительной частицей.

Итак, вероятно, есть все основания считать ограничительное, «прикрепленное» слово *только* частицей во всех условиях проявления ограниченности.

Но существует еще и другое *только*, слово безусловно союзного типа, функционирующее только как союз — и в простом, и в сложном предложении:

- 1) в простом: «Деньги я получил, *только* не все» (А. Островский. Письмо Ф. А. Бурдину); «...скоро луг сам становится как вода. *Только* не голубая, а зеленая» (М. Пришвин. Кладовая солнца); «Он (Бальмонт) — стоящий поэт, воин даже, *только* обезоруженный, расквартированный» (В. Шкловский. Жили-были...»
- 2) в сложном: «Жена и здесь, как в Москве, работала в жилотделе, *только* работа была много тяжелей...» (К. Симонов. Солдатами не рождаются); «К истории я не охладел, *только* в четвертом классе меня занимали уже не греческие богини, а более близкое прошлое»

²⁹ Именно так квалифицирует слово *только* в союзном употреблении Н. Н. Холодов. Для него главное — функция этого слова в сложном предложении (см.: Н. Н. Холодов. Сложносочиненные предложения с союзом «только», синонимичным союзу «но». — «Русский язык в школе», 1970, № 6).

(И. Эренбург. Люди, годы, жизнь); «Бывали у нас такие случаи, *только* опасность повторной операции не была столь велика» (Н. Амосов. Мысли и сердце).

Такое *только* — при разнообразном, интересном употреблении, при множестве оттенков значений (отношений) — функционирует исключительно как союз, оно не имеет обязательного признака частицы — прикреплённости к какому-то компоненту — и, следовательно, лишено акцентирующей функции. Вне союзной функции такое *только* не имеет смысла (невозможно, например, такое употребление этого слова: «Я получил *только* не все деньги» или «*Только* в четвертом классе меня занимали уже не греческие богини...» — вне связующей роли).

Союзное *только* и должно анализироваться специально, как союз, с учетом всех его конструктивных возможностей. Может быть, целесообразно — для выявления его специфики и установления грамматической природы — провести сопоставление его с союзом «но». Во всяком случае, союзное *только* — предмет специального исследования³⁰.

³⁰ Почти во всех работах, отмечающих или анализирующих частицу (или «союз») *только*, эти два *только* не противопоставляются, а иногда и не различаются (см.: В. А. Белошапкова. Раздел «Сложное предложение» в «Грамматике современного русского литературного языка», стр. 676—677; Т. К. Иванова. Функции частиц *вот* и *только* в современном русском языке. Автореф. канд. дисс. Благовещенск, 1970; Ю. И. Деланев. Указ. статья; Н. Н. Холодов. Указ. статья).

СИСТЕМА НАПРАВИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНСТРУКЦИЯХ С ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

К одной из центральных проблем грамматики — описанию подчинительных связей слов — многие современные лингвисты подходят с позиций синтаксиса, понимаемого как учение о сочетаемости слов¹. В работах этого плана, а также в многочисленных диссертациях и статьях, описывающих словосочетания, интенсивно исследуются синтагматические свойства слов, в особенности глаголов, разных лексико-семантических групп².

В большинстве случаев исследователи идут при этом от формы языковых элементов к их функциям. Между тем здесь особенно эффективен как раз противоположный путь — от функции, от значения, от содержания мысли к языковой форме, что убедительно показывает Е. С. Скобликова³, популяризирующая предложенную еще Л. В. Щербой и другими учеными идею «активной грамматики»⁴.

Подчеркивая чрезвычайную актуальность и плодотворность этой идеи, Е. С. Скобликова справедливо отмечает, что «в целом синтаксис современного русского языка в настоящее время еще далек от принципов «активной грамматики», что «задача классификации синтаксических средств на основе

¹ См.: А. Е. Михневич. Некоторые вопросы изучения синтаксических (подчинительных) связей слов в работах советских и чехословацких лингвистов. — «Вопросы языкознания», 1968, № 5, стр. 106 и др.

² Библиографию см.: А. Е. Михневич. Указ. работа, а также: Е. С. Скобликова. Согласование и управление в русском языке. М., 1971, стр. 135.

³ См.: Е. С. Скобликова. Указ. работа, стр. 104, 105 и далее.

⁴ См.: Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. М. — Л., изд-во АПН РСФСР, 1947; О разработке идеи «активной грамматики» за рубежом см.: Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики. Краткий очерк. М. 1966, стр. 18—21.

общности их коммуникативных функций в основном остается пока вне поля зрения исследователей»⁵.

Решение же последней задачи совершенно необходимо «для выявления существующих в языке системных отношений»⁶.

В настоящей статье кратко излагаются некоторые наблюдения и основные выводы исследования, посвященного выявлению системы направительных отношений и средств их выражения в конструкциях с глаголами движения в современном русском языке⁷.

Основное внимание, в соответствии с тематической направленностью настоящего сборника, уделяем описанию синтаксических значений⁸ направления, выражающихся, главным образом, предложно-падежными и падежными формами имен в сочетании с глаголами движения, однако, по необходимости, касаемся и словообразовательных (глаголы), и лексических (глаголы и наречия) средств выражения направительных отношений⁹.

Анализ фактического материала показывает, что направительные распространители и при глаголах движения делятся на три группы по признакам исходной точки, пути и конеч-

⁵ Е. С. Скобликова. Указ. работа, стр. 105.

⁶ Там же.

⁷ Нами принято широкое толкование термина «глаголы движения» (см.: З. У. Блягоз. К изучению глаголов перемещения в современном русском языке. — Уч. зап. Горьковского ун-та. Вып. 65, 1964, стр. 51—74. Следует оговориться, что рассматриваемая нами глагольная группа именуется автором указ. статьи глаголами перемещения). Анализу подвергались глаголы движения субъекта и глаголы движения субъекта и объекта (см.: З. У. Блягоз. Указ. работа).

Материалом для анализа послужили сочетания глаголов с именами и наречиями в роли направительных распространителей, (а также глаголы в абсолютном употреблении), взятые, как правило, в контексте предложения (около 5,5 тыс. примеров), извлеченные путем сплошной и частичной выборки из ряда произведений русских советских писателей-прозаиков, а также, в отдельных случаях, из толковых словарей русского языка.

⁸ См.: А. Ф. Прияткина. Некоторые принципы синтаксического анализа (на материале русского языка). Уч. зап. ДВГУ. Вып. 5, 1962.

⁹ Впрочем, обобщенные значения направления, выражаемые не только субстантивными формами, но и глаголами, и наречиями, следует, видимо, также признать грамматическими (синтаксическими). См.: И. С. Левянт. О соотносительных признаках словосочетаний с пространственным значением. — НДВШ. Филологические науки, 1966, 2. Ср. также мнение Е. С. Скобликовой (указ. соч., стр. 110—111) о грамматическом значении «момента времени».

ной точки¹⁰ (ср.: идти (ехать, убежать, прикатить) из деревни (с берега, от вокзала) по шоссе (через мост, мимо роши) в город (к дому, на площадь) и образуют, следовательно, своего рода трехчленную оппозицию, которую назовем направительной.

Эти обобщенные значения (исходное, путевое и конечное), как видим из примеров, разными предлогами передаются по-разному¹¹. Выявленная еще А. М. Пешковским «грамматическая пропорция» $c : из = на : в$ ¹² намечает обобщение этих различий, раскрывает между предлогами отношения, которые можно назвать местными (местная оппозиция): c — «с поверхности», $из$ — «изнутри», аналогично: $на$ — «на поверхность», $в$ — «внутрь».

Как показывает анализ языкового материала, пропорция эта может быть дополнена другими предлогами. При этом выясняется, что 1) и местная оппозиция (как и направительная) тоже трехчленна, 2) обе оппозиции пересекаются, образуя некую стройную целостность, и 3) каждому предлогу в полученной таким образом системе свойственны два семантических признака — «направительный» и «местный».

Вот эта пропорция:

$из : c : от = через : по : мимо = в : на : к$

В направительной оппозиции предлоги $из$, c , $от$ характеризуются признаком исходной точки, $через$, $по$, $мимо$ — признаком пути, $в$, $на$, $к$ — конечной точки движения.

В местной оппозиции предлоги $из$, $через$, $в$ характеризуются признаком «внутренности» ($из$ — «изнутри», $через$ — «внутри», $в$ — «внутрь»); предлоги c , $по$, $на$ — признаком «касательности» (c — «с поверхности», $по$ — «по поверхности», $на$ — «на поверхность») и предлоги $от$, $мимо$, $к$ — признаком «близости» ($от$ — «из места, находящегося в непосредственной близости от ориентира» и т. д.).

¹⁰ Ср.: Е. Кржижкова. Адвербиальная детерминация со значением места и направления. — «Вопросы языкознания», 1967, № 2.

¹¹ Говоря о предлогах, мы разумеется, отвлекаемся здесь от их полисемантности и имеем в виду только определенные предложные значения, которые реализуются в определенных синтаксических условиях — в соединении, с одной стороны, с определенной падежной формой (ср.: *в Москву* и *в Москве*) и, с другой, — с глаголами определенной семантической группы (ср.: *ехать в Москву* и *влюбиться в Москву*, *идти по лесу и скучать по лесу*, *выйти из дома* и *поссориться из-за дома* и т. д.).

¹² А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 5-е М., 1935, стр. 279.

В форме, приведенной выше, пропорция акцентирует местные отношения, в преобразованном же виде (*из : через : в = с : по : на = от : мимо : к*) — отношения собственно направительные¹³.

Оппозиция типа *из : с : от* может быть интерпретирована как соединение двух привативных оппозиций¹⁴ с одним общим членом *с*, который выступает в них как беспризнаковый, слабый¹⁵. Отсюда становится понятным функционирование в речи предлогов *с*, *по*, *на* для выражения направительных отношений, передаваемых посредством предлогов *из* и *от*, *через* и *мимо*, *в* и *к*.

Так, предлог *с* употребляется иногда в значении *из*¹⁶ (ср.: *прийти из института (из школы) — прийти с завода (со школы)* (прост.), *выйти из дома — выйти со двора*). Возможен предлог *с* и в значении *от* (ср.: *убежал от реки — убежал с реки, удалился от лесной опушки — удалился с лесной опушки*). Обратное же (*из* и *от* в значении *с*) не наблюдается.

Отсюда, далее, понятна предпочтительная сочетаемость именно предлога *с* как нейтрального, слабого члена оппозиции

¹³ Пропорция соответствует схеме оппозиций предлогов и приставок. Г. Людтке, идеи которого развиваются нашим исследователем. См.: Н. Lüdtke. Das semantische System der Präpositionen und Präfixe bei Verben der Bewegung im Russischen. Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Berlin, 1954, Н. 5/6.

Несколько иначе представлена система предложно-падежных форм пространственного значения в работах: З. Д. Попова. Употребление падежных и предложно-падежных форм в современном русском литературном языке. Воронеж, 1971, стр. 28—32; она же. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке 17 в. Воронеж, 1969, стр. 70—111.

¹⁴ См.: Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., «Иностранная литература», 1960, стр. 82—83; R. Jakobson. Beitrag zur allgemeine Kasuslehre. TCLP, № 6, 1936.

¹⁵ Думается, что, хотя предлогу *с* свойственен признак «касательности», бинарная оппозиция *из : с* может быть признана не эквиополентной, а привативной. Дело в том, что признак этот выступает в данной оппозиции не как равноценный с признаком «внутренности», а лишь как его отрицание. С другой стороны, тот же признак «касательности» в оппозиции *с : от* выступает как отрицание «близости». Таким образом, два отрицания дают положительный признак, который, однако, существует как таковой лишь в трехчленной оппозиции.

¹⁶ То, что именно *с* употребляется здесь в значении *из*, а не наоборот, подтверждается, например, экспериментами. Ср.: *сойти (скатиться) с площадки, с доски, по сойти (скатиться) со двора*. Второе сочетание невозможно именно потому, что глагол *сойти (скатиться)* подчеркивает направленность действия «с поверхности», тогда как *со двора* означает не «с поверхности», а «изнутри».

с абстрактной лексикой, в частности при указании общей исходной направленности (ср.: *с юга, с севера, с левой стороны* и т. п.). Ср. также параллельное функционирование фраз типа *прийти из суда* (из здания суда) и *прийти с суда* (с судебного процесса).

Аналогичны закономерности функционирования предлога *на* (оппозиция *в : на : к*), который может употребляться в значении *в* (ср.: *войти во двор — войти на двор*) и в значении *к* (ср.: *идти к озеру — идти на озеро*), а также соединяться с субстантивами, обозначающими процесс (ср.: *ехать на работу, на собрание*), и с другой абстрактной лексикой (ср. выражение общей конечной направленности: *на юг, на восток* и т. п.).

Что же касается предлога *по* (оппозиция *через : по : мимо*), то он, занимая срединное положение в обеих трехчленных оппозициях, не только широко функционирует в значениях *через* и *мимо* (точнее *вдоль* ср.: *идти по ковру, идти по коридору, идти по рядам, по фронту, по столбам*), но и вообще отличается особой широтой употребления¹⁷.

Таким образом, функционирование предлогов в речи оказывается связанным с их местами в системе, отражаемой пропорцией.

Система направительных отношений в конструкциях с глаголами движения этой пропорцией, однако, не исчерпывается. К описанной ее части, выступающей в качестве «ядра», примыкают другие значения «ядерных» предлогов, другие предлоги, некоторые падежные формы, наречия. Все это образует «периферию» системы.

Каждый ее элемент обладает, как правило, одним из направительных признаков (исходная точка, путь, конечная точка)¹⁸ и, кроме того, по крайней мере, одним семантическим признаком иного рода (ср., впрочем, исходное значение «в чистом виде» в наречии *оттуда*, конечное — в наречии *туда*).

Проиллюстрируем сказанное. Предлоги *из-под, под* в путевом значении (*пройти к магазину не по площади, а под площадью*) и *под* в конечном значении (*войти под своды пе-*

¹⁷ Ср. мысль об экспансии предлога *по* в разговорной речи последних десятилетий в кн.: Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., «Просвещение», 1966, стр. 40—52.

¹⁸ Следует, впрочем, оговориться, что слово «точка» употребляется здесь весьма условно, так как направленность может быть и общей (ср.: *с востока, слева, сверху, издалика* и т. п.)

щеры, под навес) образуют трехчленную оппозицию (подобно, например: *из: через: в*), общий признак которой — «ниже ориентира». Это тоже своего рода местный признак, по которому каждый из членов данной оппозиции противопоставляется предлогам своего ряда (например, *из-под* — предлогам *из, с, от*).

Предлоги *из-за, за* в путевом значении (ср.: *пройти за столом к окну*) и *за* в конечном значении (ср.: *завернуть за угол*) образуют аналогичную оппозицию. Общий признак ее можно кратко определить так — «с противоположной от наблюдателя (говорящего) стороны ориентира»¹⁹.

Для пояснения сопоставим два примера. Сказать *Человек вышел из дома* мы можем, находясь и в доме, и вне его. Сказать же *Человек вышел из-за дома* мы можем лишь в том случае, если находимся не по ту сторону дома, откуда направлено движение²⁰.

Предлог *до*, обладая, подобно предлогам *в, на, к*, конечным значением, противопоставляется им семантическим признаком предела движения. Этот предлог нейтрален по отношению к местным признакам и может употребляться для передачи ситуаций, обозначаемых всеми «ядерными» предлогами, включая *в* (конечная точка внутри ориентира): *Она (Катя) едва доплелась до спальни и заснула, не раскрывая постели* (А. Толстой. Хождение по мукам). Ср.: совершенно иную ситуацию: *Она подошла к спальне и заснула*²¹.

Предлог *сквозь*, содержа семантический признак пути, входит в ряд *через, по, мимо*. Наиболее близок он предлогу *через*, так как обладает признаком «внутренности». Противопоставляется же он этому предлогу, прежде всего, указанием на сопротивление среды, в которой совершается перемещение. Ср.: *пройти через коридор, через рощу и пробраться сквозь толпу, сквозь джунгли, но: пройти сквозь коридор*.

Предлог *вдоль* принадлежит к тому же, среднему ряду трехчленной направительной оппозиции что и *сквозь*. По

¹⁹ Ср.: Ю. Д. Апресян. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики. — «Известия АН СССР». Серия литературы и языка. Т. XXVIII. Вып. 1. М., 1968, стр. 18.

²⁰ В случаях типа *я вышел из-за дерева* говорящий ставит себя в положение «наблюдателя», т. е. как бы смотрит на себя со стороны, и потому здесь имеет место своего рода транспозиция значения.

²¹ Иное толкование значения этого предлога см. в работе: К. И. Ходова. Падежи с предлогами в старославянском языке. Опыт семантической системы. М., 1971, стр. 96.

линии местных отношений он не противопоставляется ни одному из «ядерных» предлогов, так как может обозначать движение и внутри предмета, и по его поверхности, и на некотором расстоянии от него. Противопоставляется же он всем им указанием на то, что предмет-ориентир имеет длину и что движение совершается именно в направлении данного измерения этого предмета. Ср.: *продвигаться в темноте вдоль туннеля* (вдоль по туннелю), *идти вдоль берега* (вдоль по берегу), *плыть вдоль берега*.

Определенными системными отношениями, показать которые здесь мы не имеем возможности, связаны с «ядром» и остальные предлоги направительной семантики: *поперек, навстречу, изнутри, внутрь, вокруг, между* и др.

В систему входят, далее, падежные формы: твор. пад. (*идти лесом*) и вин. пад. (*пройти поле, объехать яму, перебежать дорогу*).

Форма творительного падежа близка (или тождественна) семантически форме *по* + дат. пад. Будучи нейтральной к местным признакам, она может употребляться для выражения отношений, передаваемых многими компонентами системы, обладающими значением пути (ср.: *пройти тропинкой* [*по тропинке*], *туннелем* [*через туннель*], *лесной опушкой* [*мимо опушки*]). Употребление этой формы, впрочем, лексически ограничено.

Форма винительного падежа обозначает предмет, через который, мимо или вокруг которого совершается движение. Своеобразие ее в том, что в ней обстоятельственное (путевое) значение слито с объектным. Она может конкурировать с формами *по* + дат. пад., *через* + вин. пад., *вокруг* (*кругом*) + род. пад. (ср.: *пройти мост* / *по мосту, через мост, мимо моста* /, *обойти сосну* / *вокруг сосны*).

Выше упоминалось о некоторых субстантивных формах со значением общей направленности. Это значение характерно для наречий. Общая направленность (исходная, путевая или конечная) присуща наречиям *издалека, сверху, оттуда, отсюда, стороной, вдаль, туда* и др.²²

Для наречий характерен также дейксис²³, который среди

²² Наречия *оттуда, туда* и некоторые другие могут служить и заместителями форм с конкретной направленностью (ср.: *оттуда — с юга и отсюда — от дома*).

²³ О дейксисе, в частности пространственном (обозначение места и направления относительно говорящего), см.: У. Вейнрейх. О семантической структуре языка. Новое в лингвистике. Вып. V (языковые универсалии). М., 1970, стр. 172, 177, 180—182.

предложно-падежных форм встречается сравнительно редко (ср. уже упоминавшиеся предлоги *из-за* и *за*). Так, *сюда* означает «к говорящему», *отсюда* — «от говорящего», *сторона* — «в стороне, в некотором отдалении от говорящего» и т. д.

Далее всего от «ядра» системы отстоят формы неаправительной семантики, в контексте указывающие на направление движения. *Она вышла посидеть в парке*. Значение конечной точки передается здесь сочетанием инфинитива с формой локального значения. Ср.: *Она вышла в парк посидеть*.

Описанные выше средства выражения направительных отношений — это опять-таки еще не вся система, так как указанные отношения передаются не только зависимыми от глаголов формами, но и самими глаголами, бесприставочными и, особенно, приставочными. Причем та и другая части системы тесно между собою связаны.

Отдельные моменты этой связи отмечались еще Н. И. Гречем, А. Х. Востоковым и другими учеными, писавшими о «своеобразном законе удвоения приставки-предлога» (ср.: *въехать в город, отойти от дома и т. п.*)²⁴, а также отмечаются и до сих пор.

Однако соответствия приставок и предлогов приводятся в существующих работах обычно лишь списком²⁵ без попыток раскрыть обусловленные значениями приставок системные взаимоотношения между глаголами²⁶. А это ведет к неполноте описания, к неточностям в интерпретации приставочных значений, к многочисленным противоречиям в оценках синтагматических свойств глаголов, в квалификации видов связи между глаголом и зависимой формой.

Соотнося значения приставок со значениями предлогов — элементов «ядра», выявляем приставки, семантически эквивалентные определенным предлогам. Эти приставки, естествен-

²⁴ В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л., Учпедгиз, 1947, стр. 643—644.

²⁵ Пожалуй, наиболее полный список соответствий приведен в работе: К. Бабов. Зависимост между представки и предлози при глаголниот словосъчетания в руски и болгарски език. Годишник на Софийския ун-т. Филологически ф-т. София, 1963.

²⁶ Исключение представляет указ. статья Г. Людтке. Ср. также попытку М. В. Игнатъевой раскрыть систему направительных значений глагольных приставок, которая представляется малоудачной прежде всего в связи с произвольностью предлагаемых интерпретаций (М. В. Игнатъева. Функции и система пространственных значений глагольных приставок в современном русском языке. — В сб.: «Лексико-грамматические проблемы русского глагола». Новосибирск, 1969).

но, оказываются между собою в тех же системных отношениях, что и соответствующие предлоги.

Дополним формулу «ядра» системы приставками и получим (в скобках) второе, глагольное «ядро», в связи с первым:

$$\begin{aligned} & \text{из/вы-/ : с/с-/ : от/от-/} = \\ = & \text{через/про-/ : по/про-/ : мимо/про-/} = \\ = & \text{в/в-/ : на/на-/ : к/под-/}. \end{aligned}$$

В самом деле, например, *вылететь* и *слететь* соотносятся между собой точно так же («изнутри» и «с поверхности»), как *из скворечника* и *со скворечника*, а *сойти* и *пройти* («с поверхности» и «по поверхности») — как *с ковра* и *по ковру* и т. д.

Правда, соответствия приставок и предлогов не являются абсолютными в том смысле, что приставка не всегда дублирует предлог, что пространственное отношение, передаваемое определенным образом предложно-падежной формой, в глаголе может передаваться иначе. Причем во многих случаях такие отклонения от системы имеют типизированный характер.: Ср.: *сойти* /*сбежать*, *съехать с площадки/с дороги, с доски*, но: **сойти/сбежать*, *съехать с площади/с поля и уйти/убежать*, *уехать с площади/с поля* или *выехать с площади*. Ср. также: *наехать/набежать на доску*, но: **наехать/набежать на площадь* (если не имеется в виду множество субъектов действия) и *выехать/въехать, выбежать/вбежать на площадь*.

Подобные сопоставления лишней раз подтверждают справедливость следующих мыслей: «...выявление структуры всегда предполагает абстрагирование от каких-то фактов, а тем самым и огрубление описываемой действительности. С другой стороны, известно, что именно выявление структуры позволяет вскрыть взаимозависимости, ускользающие при попытке регистрации всех многообразных фактов»²⁷.

Сопоставления эти говорят также о том, что выявление системы и исследование ее реализации суть две особые (хотя и тесно связанные между собою) задачи.

Подобно тому, как к «предложному» (субстантивному) «ядру» примыкают другие, «периферийные» элементы системы, в том числе падежные формы и наречия, к «ядру» «приставочному» (глагольному) примыкают глаголы с теми же

²⁷ И. И. Ревзин. Развитие понятия «структура языка». — «Вопросы философии», 1969, № 7, стр. 65.

приставками в других значениях, глаголы с другими приставками и бесприставочные.

Так, предлогу *через* (в значении движения по предмету или над ним) соответствует приставка *пере-* (ср.: *перейти через ручей, перелететь через крышу*); предлогам *из-под* и *из-за* — приставка *вы-* (ср.: *выехать из-за часовни, выползти из-под крыльца*); предлогу *за* — приставка *за* — (ср.: *забежать за дерево*); предлогу *до* — приставка *до-* (ср.: *доскакать до станицы*) и т. д.

Полной симметрии между обеими подсистемами, наречно — субстантивной и глагольной, однако, нет. Некоторые предлоги (*навстречу, наперерез*) среди приставок соответствий не имеют. С другой стороны, отдельные приставки не обладают эквивалентами в кругу предлогов. Такова, например, приставка *вз-*. Распространенное мнение о соответствии ее предлогу не нуждается в существенных оговорках. Приставки *у-* и *при-* обозначают направление движения не только относительно объектов внешнего мира, но и относительно говорящего. Поэтому сказать, например, *он ушел в дом* мы можем, как правило, лишь в том случае, если сами находимся не в этом доме, а *он приехал из города* — если не находимся в этом же городе²⁸.

Дейктический компонент «местоположение говорящего (наблюдателя)», как показывает анализ, свойственен и глаголам с некоторыми другими приставками (в определенных значениях). Так, у глаголов типа *отнести* (что-л., куда-л.) на основное значение «доставить» наслаивается сознание «от местоположения говорящего». Поэтому сказать *он отнесет письмо на почту* можно лишь при условии, если говорящий реально или мысленно (см. сноску 20) находится в исходном пункте движения. Ср. также невозможность вопроса *ты отнес письмо?*, если имеем в виду *на почту* и сами находимся там же, на почте. Но ср.: *Ты принес письмо?*

В ходе исследования выявилась зависимость между дейксистом (в семантике глаголов) и так называемой «силой» подчинительной связи слов. Зависимость эта заключается в том, что наличие дейктического компонента делает сочетаемость глагола с формами направительного значения факультативной. Именно этим объясняется, например, тот факт, что во-

²⁸ См.: Ю. М. Гордеев. К вопросу о разграничении семантической достаточности /недостаточности слова. — «Актуальные проблемы лексикологии». Тезисы 3-й лингвистической конференции. 3—7 мая 1971 г. Новосибирск, 1971 г. стр. 215—216.

преки широко распространенному мнению о «сильной» (необходимой) связи глаголов движения, обладающих приставкой *при-*, с формами конечного значения²⁹, последние, в том числе форма *к+дат. пад.*, занимают при этих глаголах факультативную позицию. Отсюда синтаксическая завершенность фраз типа *Иванов приехал вчера вечером*.

Зависимость эта проявляется даже у глаголов с приставкой *вы-*. Этим глаголам — в системе — дейктический компонент не свойственен, но в определенных конситуативных условиях он как бы наслаивается на их основное значение³⁰.

Исследование закономерностей сочетаемости глаголов движения с формами в позициях направления позволило обнаружить двойственную природу «силы» подчинительной связи слов: обусловленность зависимой формы, с одной стороны, конструктивными свойствами стержневого глагола, с другой — экстралингвистической реальностью, потребностями коммуникации. Только исходящий из такого понимания двухаспектный подход, предполагающий оценку синтагматических свойств глагола в контексте предложения, на основе учета синтаксической завершенности/незавершенности последнего³¹, подход, учитывающий также возможность дейктических компонентов в семантике глаголов, позволяет непротиворечиво интерпретировать все многообразие синтагматических связей глаголов движения с направлятельными и иными формами³².

С точки зрения такого подхода форма *в лес* в сочетании *идти в лес* занимает конструктивно факультативную, но коммуникативно сильную позицию, тогда как в сочетании *идти из леса* позиция зависимой формы является и конструктивно факультативной, и коммуникативно слабой, а в сочетании *войти в лес* — конструктивно обязательной и коммуникативно сильной.

²⁹ См., например: Грамматика современного русского литературного языка. М., изд-во АН СССР, 1970, стр. 269, 275.

³⁰ Ср.: замечание А. И. Смирницкого о том, что «необходимость» в направлятельном распространителе может нейтрализоваться «местоименностью» (читай: «дейктичностью») употребления некоторых приставочных глаголов («Н. Н. здесь?» — «Он вышел») — см.: А. И. Смирницкий. Об особенностях обозначения направления в отдельных языках. — «Иностранные языки в школе», 1953, № 2, стр. 7.-

³¹ См.: В. Г. Адмони. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. — «Вопросы языкознания», 1958, № 1.

³² Подробнее об этом см.: Ю. М. Гордеев. О различиях в синтагматических свойствах...; *он же*. Экстралингвистические факторы и «сила» связи слов (в печати).

На периферии глагольной подсистемы направительных отношений находятся, наконец, бесприставочные (и с приставками непространственного значения) глаголы, содержащие в своей семантике какие-либо указания на направление. Это такие, например, глаголы, как *пятиться, попятиться, вернуться, повернуть, миновать, падать, карабкаться*, в некоторых конситуативных условиях глаголы типа *ходить* (ср.: *Я ходил сегодня на озеро* — здесь предполагается возвращение в исходный пункт)³³.

Интересна в этой связи словоформа *ступай(те)*, которая в современном русском языке, на наш взгляд, обладает дейктическим компонентом «от говорящего» (ср.: *ступай туда, но: *ступай сюда*)³⁴.

Итак, исследование того, как выражается направление движения глаголами и их распространителями, представляющее реализацию на избранном нами материале идеи «активной грамматики», привело к выявлению системы направительных отношений в конструкциях с глаголами движения, системы, состоящей из двух подсистем, наречно-субстантивной и глагольной, каждая из которых обладает своим «ядром» и «периферией».

Эта система, как мы видели, объединяет в некую легко обозримую целостность широкий круг явлений, ранее казавшихся более или менее разрозненными, не объединенными закономерными связями, целостность, элементами которой оказались и «грамматическая пропорция» А. М. Пешковского, и «удвоение приставки-предлога».

Систему эту можно назвать функционально-семантическим полем направительности (часть более широкого поля пространственности) по аналогии с выделяемыми А. В. Бондарко полями аспектуальности, темпоральности и др.³⁵

Функционально-семантическое поле направительности включает в себя как парадигматические связи языковых элементов (сюда, например, относится «грамматическая пропорция»), так и синтагматические связи (пример — «закон удвоения приставки-предлога»). Поэтому оно является комплексным полем³⁶.

³³ Ср.: А. В. Исаченко. Указ. соч., стр. 324.

³⁴ Семантика и сочетаемостные свойства этой словоформы рассмотрены нами в статье, подготовленной для журнала «Русская речь».

³⁵ См., например: А. В. Бондарко. Грамматическая категория и контекст. Л., «Наука», 1971.

³⁶ См.: Л. В. Васильев. Теория семантических полей. Обзор. — «Вопросы языкознания», 1971, № 5, стр. 113.

Идея «активной грамматики» позволила выявить широкое распространение в исследуемой языковой сфере явления дейксиса, что сделало более ясным и полным представление о системе и ее функционировании.

Наконец, в ходе исследования был найден двухаспектный подход к оценке «силы» подчинительной связи слов, дающий возможность непротиворечиво интерпретировать синтагматические свойства глаголов движения и, может быть, также глаголов других семантико-грамматических групп.

ТРИ СЕКТОРА В СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(предикативный, полупредикативный и непредикативный)

1. В современных грамматических исследованиях обсуждается вопрос об основе предложения, его ядре. При этом различаются главные (центральные, обязательные, постоянные) и второстепенные (периферийные, факультативные, переменные) компоненты предложения. В Грамматике современного русского литературного языка основа предложения называется его структурной схемой. Отмечается, что это тот отвлеченный образец, по которому может быть построено минимальное самостоятельное и независимое сообщение, что компоненты структурной схемы — ее строевые, конституирующие элементы — называются главными членами предложения, причем таковыми являются подлежащее и сказуемое¹. Однако процедура выделения структурных схем предложения не описана.

Г. Г. Почепцов в книге «Конструктивный анализ структуры предложения» предлагает выделять структурный каркас предложения — «его неотъемлемую часть, то, без чего предложение — не предложение» — на основании «опустимости — неопустимости» элемента². При этом каркас предложения образуют не только подлежащее и сказуемое, но и связанное с глаголом-сказуемым дополнение.

Определение структурной схемы, данное в «Грамматике», допускает включение в нее иных компонентов, кроме подлежащего и сказуемого, что, однако, отвергается в дополнительных разъяснениях к определению. Внешне похожие предположения, представленные в упомянутых работах, приводят к неодинаковым выводам.

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970, стр. 546—547.

² Г. Г. Почепцов. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, «Вища школа» 1971, стр. 7, 42, 47.

Структурная основа предложения — это, по нашему мнению, компоненты предложения, связанные на базе предикативного отношения, это тот минимум, в котором проявляется предикативное отношение. Структурная основа предложения может быть названа иначе предикативным сектором предложения. Его строение уникально, т. е. сочетание словоформ, специфических для предикативного сектора (имя существительное в именительном падеже, не чередующемся с творительным падежом, и глагол в спрягаемой форме, зависящий от существительного), не функционирует за пределами предикативного сочетания. Особенно ярко обнаруживается монофункциональность спрягаемого глагола. Именно в нем концентрируются предикативные категории модальности, времени и лица. Существительное в именительном падеже может употребляться в предложении как распространитель спрягаемого глагола («*Леонтьев был страстный охотник и рыболов*»), но в этом случае именительный падеж может быть в принципе заменен творительным. Существительное в именительном падеже может выступать в роли обращения, но в этом случае номинатив не вступает в связь со спрягаемым глаголом и обладает способностью занимать разнообразные положения в строе предложения, характеризуется свободной переместимостью.

Предикативное сочетание — это сочетание подлежащего и сказуемого, которые являются главными членами предложения. Подлежащее и сказуемое не просто словоформы в составе предложения, а определенные позиции, заполняемые разными словоформами, но прежде всего именем существительным в именительном падеже и спрягаемым глаголом. Каждая синтаксическая позиция, при разнообразии ее формального заполнения, характеризуется обобщенным значением, которое иначе называют функцией. Таким образом, номинатив (существительное в именительном падеже) и спрягаемый глагол — наиболее типичные представители подлежащего и сказуемого.

Предикативное сочетание — сложное и противоречивое явление. Ему присуща асимметрия связей. С точки зрения синтагматических формальных связей сказуемое подчинено подлежащему. В большинстве случаев подчинение здесь проявляется в виде согласования сказуемого с подлежащим (если иметь в виду конкретные словоформы). С точки же зрения проявления предикативных отношений центральным членом этого сочетания оказывается сказуемое как непосредственный

носитель категорий модальности, времени и лица. Центральная роль сказуемого вскрывается путем трансформаций и на уровне глубинного (семантического) синтаксиса (ср.: *брат приехал — приезд брата; ребенок кричит — крик ребенка* — при трансформации зависимый компонент предикативного сочетания преобразуется в господствующий). Эта асимметрия формально-синтагматических и предикативных отношений (а также глубинных семантических) придает большое своеобразие предикативному сочетанию.

Предикативное сочетание (предикативный сектор) — единственный необходимый сектор предложения, которое может состоять только из этого сектора (нераспространенные предложения). В силу этого все компоненты предложения, кроме подлежащего и сказуемого, являются второстепенными.

Таким образом, традиционное деление членов предложения на главные (подлежащее и сказуемое) и второстепенные отражает существенные различия компонентов предложения. Самая важная особенность главных членов — предикативные отношения между ними, обязательность же, достаточность для организации предложения — лишь потенциальный признак главных членов, наблюдающийся только в некоторых случаях, когда сочетание подлежащего и сказуемого не нуждается в распространении.

Рассмотрим предложения из следующего отрывка: *«Рудин ничего не сказал и подошел к раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой пеленою над садом; дремотной свежестью дышали близкие деревья. Звезды тихо теплились. Летняя ночь и нежилась и нежила. Рудин поглядел в темный сад — и обернулся»* (Тургенев. Рудин).

При устранении второстепенных членов получают следующие сочетания: *Рудин не сказал и подошел; Мгла лежала; Дышали деревья; Звезды теплились; Ночь и нежилась и нежила; Рудин поглядел и обернулся*. Из этих сочетаний в распространении нуждаются: *Рудин не сказал и подошел; Рудин поглядел*.

2. Можно принять положение, согласно которому любой глагол в спрягаемой форме должен считаться сказуемым. Проблема непростого сказуемого в синтаксических руководствах решается весьма противоречиво³.

³ Ср. такие работы, как: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., Учпедгиз, 1956, стр. 220 (определение глагольной связки) и стр. 250 (понятие вещественной связки); А. Б. Ша-

При отказе от непростого сказуемого (составного именного и глагольного) исследователь должен будет объединить одинаково построенные сочетания (типа: *был усталым, казался усталым, вернулся усталым; мог говорить, любил говорить, разрешал говорить*) и разграничить глаголы-сказуемые по характеру распространения. Обобщенное рассмотрение распространителей сказуемого позволит глубже изучить проблему полупредикативности как особого типа распространения предикативного сочетания в предложении, позволит выделить особый полупредикативный сектор в структуре предложения.

В современном русском языке существует два способа распространения предикативного сочетания: непередикативный и полупредикативный. Непредикативное распространение — это присоединение зависимых компонентов к сказуемому или к подлежащему порознь. Именно так распространены главные члены в предложениях из повести И. С. Тургенева «Рудин», приведенных выше. Но есть и другой способ распространения предикативного сочетания, когда зависимый компонент находится в подчинении одновременно и от сказуемого, и от подлежащего. Так, в предложении «*Майка вернулась из своего Крыма, со своего Валдая какой-то очень вдруг переменившейся*» (А. Рекемчук. Мальчики, 3, 1) компонент *переменившейся* связан с глаголом-сказуемым *вернулась* и с подлежащим *Майка*: последняя связь — согласование в роде и в числе, первая — связь особого рода, недостаточно формализованная (смысловое тяготение, обозначаемое с помощью нарушения согласования компонента *переменившейся* с подлежащим *Майка* в падеже). Аналогичный случай наблюдается в предложении «*...Октябрь в большинстве районов нашей страны ожидается холодным и пасмурным*» («Неделя», 1970, № 39), где компоненты *холодным* и *пасмурным* подчиняются как сказуемому *ожидается*, так и подлежащему *октябрь*.

Полупредикативность — особый характер распространения предикативного сочетания, при котором зависимый компонент находится в подчинении одновременно сказуемому и подлежащему.

пиро. О границах и типах непростого сказуемого. — «Русский язык в школе», 1936, № 5; П. А. Лекант. Грамматическая форма простого предложения и система его структурно-синтаксических типов в современном русском языке. Автореф. докт. дисс. М., 1971, стр. 24—30; В. А. Федосеев. Многоэлементное глагольное сказуемое в двусоставном предложении (на материале современного русского языка). Автореф. канд. дисс. М., 1971.

Полупредикативное распространение отличается от непредикативного не только тем, что оно двунаправленное, в то время как непредикативное однонаправленное, но также и более сильной спаянностью с предикативным сочетанием. Именно этим объясняется тенденция к образованию аналитических сочетаний (составные сказуемые с отвлеченными, десементизированными связками, как это трактуется обычно).

Хотя связь полупредикативного компонента с глаголом-сказуемым не выявлена с достаточной формальной отчетливостью (ср. случай, когда нет нарушенного согласования: «*Мужчины приходили к огню усталые и потные...*» — Ю. Домбровский. Хранитель древностей, 1, 2), эта связь, вероятно, должна быть признана главной, поскольку на базе трехчленных сочетаний (подлежащее, сказуемое, предикатив⁴) образуются производные сочетания, которые включают лишь два компонента: *приходить усталым, приходив усталым* (формы рода и числа предикатива возникают здесь не как формы согласования, а в результате соответствия чисто внеязыковым фактам).

Например: «*Быть честной* оказалось нелегко» (А. Толстой. Хождение по мукам, I, VI); «*Быть правдивым и естественным, оставаясь в то же время пленительным*, — это значит *быть* необыкновенной по красоте, цельности и силе *натурой*» (И. Бунин. Чехов).

В этих предложениях в сочетаниях *быть честной, быть правдивым и естественным, оставаясь пленительным* форма прилагательного порождена так называемым согласованием по смыслу, т. е. особым соответствием, лишь похожим на согласование.

Отнесенность к сказуемому (и шире к глаголу) при наличии отнесенности к подлежащему (и шире к имени существительному) — важные приметы полупредикативного компонента предложения, т. е. предикатива. Предикативы различных типов образуют особый полупредикативный сектор предложения — сектор, не обязательный для структуры предложения, но весьма важный при его наличии. Очевидно, неслучайно, что в ряде синтаксических теорий предикатив включается в состав сказуемого или считается дополнительным сказуемым, вторым сказуемым, второстепенным сказуемым⁵.

⁴ Мы будем называть полупредикативный компонент предикативом.

⁵ А. М. Пешковский. Указ. работа, стр. 215—254; А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., Учпедгиз, 1941, стр. 45, 182.

Предикатив как бы дополнительно цементирует связь подлежащего и сказуемого, усиливая ее, и в то же время раздвигает содержание сказуемого, выступая как его смысловое приращение особой значимости.

Третий сектор в структуре предложения — непредикативный — включает компоненты предложения с однонаправленной зависимостью.

Итак, в структуре предложения выделяется три сектора: предикативный, полупредикативный и непредикативный. Для первого характерна предикативная связь, проявляющаяся в категориях модальности, времени и лица, которые локализуются в сказуемом. Для второго характерна двойная зависимость от подлежащего и сказуемого, особое распространение предикативного сочетания. В третий сектор входят обычные подчиненные члены предложения.

Эти три сектора не расположены на одной плоскости: полупредикативный и непредикативный секторы противопоставляются предикативному. С точки зрения типа членов предложения компоненты предикативного сочетания являются главными членами — подлежащим и сказуемым; все прочие члены — компоненты полупредикативного и непредикативного сектора — второстепенные члены, причем полупредикативные второстепенные члены в основном такие же, как непредикативные, лишь с некоторыми ограничениями и усложнением функций.

Член предложения — определенная позиция в структуре предложения, которая обусловлена специализированной формой, значением, ориентированным на эту форму, и соотношением данной позиции с другими позициями. Можно утверждать, что второстепенные члены предложения бывают непредикативными и полупредикативными, в зависимости от характера их связей с центральным, предикативным сочетанием.

3. Идея о наличии полупредикативных второстепенных членов предложения, об их сложной типологии (часть сказуемого и в то же время второстепенный член) восходит в русском языкознании к А. А. Потебне, который писал: «Имя, входящее в состав сказуемого, есть атрибут, грамматическое определение, с тою особенностью, что присоединяется к своему определяемому не прямо, а через посредство глагола, сообщаящего в наших языках всему сказуемому грамматическое (формальное) значение времени...»⁶

⁶ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., Учпедгиз, 1958, стр. 111.

А. А. Потехня, характеризуя связь определения и приложения с определяемым, писал, что они тяготеют к своему определяемому, а не к сказуемому, в отличие от предикативного имени, входящего в состав грамматического предиката⁷.

А. М. Пешковский в первом и во втором изданиях своей книги «Русский синтаксис в научном освещении» признал «возможность для всякого второстепенного члена быть сказуемым»⁸.

Анализируя предложение «*Первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное*» (Л. Толстой), А. М. Пешковский рассуждает: «Хотя по форме своей слово *трудное* связано только со словом *время* и больше ни с чем, но внутренне, по значению оно связано еще и со словом *было*, с которым оно норовит стать рядом... Таким образом, определение *трудное* тяготеет здесь не только к своему определяемому, но и к глаголу»⁹.

В переработанном издании книги А. М. Пешковский несколько приглушил теорию сказуемых второстепенных членов, но не отказался от нее. Он писал, что так называемое составное сказуемое состоит из глагольной связки и полнозначного слова, которое условно можно называть «вторым» членом составного сказуемого, или присвязочным членом, или вещественным членом, или, наконец, имея в виду аналогию его с так называемыми «второстепенными» членами распространенных предложений, — второстепенным предикативным членом¹⁰.

А. М. Пешковский подчеркивал: «Предикативный второстепенный член в составном сказуемом относится всегда не только к связке, но и к подлежащему»¹¹.

Л. А. Булаховский в своем учебном пособии 1928 г. использовал глагол «тяготеет» еще нетерминологически для характеристики отношения предикатива к сказуемому. Он писал: «Иногда прилагательное тяготеет к сказуемому, описывая, каким был предмет в момент действия. Употребляется оно в этом случае в именительном или творительном падеже, при-

⁷ А. А. Потехня. Указ. работа, стр. 111.

⁸ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 2-е. М., Госиздат, 1920, стр. 221.

⁹ А. М. Пешковский. Указ. работа. Изд. 2-е, стр. 222.

¹⁰ А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., Учпедгиз, 1956, стр. 215.

¹¹ А. М. Пешковский. Указ. работа. Изд. 7-е. стр. 220. См. также стр. 325.

чем вместо именительного возможна и краткая форма прилагательного...»¹².

В «Курс русского литературного языка»¹³ Л. А. Булаховский вводит специальный термин «тяготение» для обозначения связи прилагательного с глаголом: «Меньшее, чем все другие, значение и распространение имеет тип связи, который можно назвать тяготением. Он представляет собой грамматическую пару из глагола и прилагательного, согласуемого с первым в числе и роде; со стороны смысловой эта связь обозначает, каков предмет-подлежащее в момент осуществления приписываемого ему сказуемым действия: *пришел веселый, ходил задумчив, слушает довольный*» (стр. 267). В последнем примере, однако, нельзя говорить о согласовании прилагательного с глаголом в роде. Особые замечания Л. А. Булаховский делает об употреблении творительного предикативного (сказуемого) при вспомогательных глаголах, а также при инфинитивах, деепричастиях и существительных, образованных от соответственных глагольных корней. «Со всеми основаниями видя в этом творительном управляемый падеж, — замечает Л. А. Булаховский, — естественно, затрудняются воспринимать его просто как сказуемое, так как в природе последнего — способность согласоваться с подлежащим, т. е. с падежом именительным. Удобнее поэтому в подобных случаях говорить о сказуемой части, в состав которой входят вспомогательный глагол и управляемый падеж» (стр. 283). В этом высказывании, таким образом, связь прилагательного в творительном падеже с глаголом уже не трактуется как тяготение, а относится к управлению, причем такое сочетание отграничивается от составного сказуемого и называется сказуемой частью.

Л. А. Булаховский учитывает не только форму именного компонента, но и степень знаменательности глагола, к которому относится именной компонент. Он пишет: «Чем конкретнее глагол, к которому тяготеет прилагательное, входящее в состав сказуемой части, тем более заметно последнее из сложного сказуемого выделяется в более или менее самостоятельный член (присказуемый)» (стр. 286). О тяготении к полнозначным глаголам Л. А. Булаховский говорит и в случае

¹² Л. А. Булаховский. Краткий учебник русского языка и правописания для школ взрослых и подростков. Изд. 2-е. Харьков, 1928.

¹³ См.: Т. I. Изд. 5-е. Киев, «Радянська школа», 1952, стр. 267, 283, 286—287.

связи кратких прилагательных и причастий с глаголами (при условии обособления): «*Окаймлен летучей пёной, Днём и ночью дышит мол*» (Блок):

Таким образом, в работах Л. А. Булаховского мы находим стремление осмыслить предикатив (в нашем понимании) как особый компонент предложения. Однако решается этот вопрос без достаточной определенности, понятие тяготения не получает ясного толкования.

Интересны и поучительны взгляды А. А. Шахматова на рассматриваемые сочетания сказуемого и предикатива¹⁴.

Важнейшим свойством сказуемого, по А. А. Шахматову, является то, что «форма сказуемого уподобляется форме подлежащего» (§ 190), т. е. согласуется с ним. Конструкцию с творительным падежом в сочетаниях типа *он сделается профессором, он становится капризным*. А. А. Шахматов не считает ни сказуемым, поскольку в падеже он не согласуется с подлежащим, ни простым дополнением, поскольку он согласуется в числе, а иногда и в роде с подлежащим (§ 194). Такой творительный падеж А. А. Шахматов называет сказуемым именем (§ 27, 194).

«...Во всех подобных предложениях с так называемым составным сказуемым, — пишет А. А. Шахматов, — мы имеем дело с сочетанием двух сказуемых, с двойным сказуемым... При этом оба сказуемых согласуются с подлежащим» (§ 27). Выделяется три типа двойного сказуемого: первый тип с глаголом *быть* (предложения с таким сочетанием называются связочными — § 251), второй тип с вспомогательными глаголами (предложения с этим сочетанием названы связочно-сказуемыми — § 258) и третий тип с глаголами полного содержания (предложения с такими сочетаниями названы двусказуемыми — § 265). Именно в этом третьем типе (*он сидит мрачен, он пал мертвый, он пришел пьяный, он лежит больной*) второе сказуемое стало второстепенным, зависимым от главного сказуемого (§ 27). Таким образом, хотя любое составное сказуемое трактуется как двойное сказуемое, собственно двусказуемым называется предложение, в котором первое сказуемое является самостоятельным. Второе сказуемое, второстепенное сказуемое может быть выражено именем существительным, именем прилагательным, наречием, деепри-

¹⁴ А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., Учпедгиз, 1941.

частием, инфинитивом, спрягаемой формой глагола (*возьму и пойду, пойду погляжу*) (§ 265).

В учении о двойном сказуемом А. А. Шахматов с большой глубиной и широтой вскрыл своеобразие компонентов предложения, называемых нами предикативами. Он отметил их важную роль в структуре предложения, близкую к сказуемому, и в то же время подчеркнул их второстепенность. Он показал разную степень самостоятельности, вычлененности второго сказуемого в зависимости от степени конкретности — отвлеченности первого глагольного компонента. Он включил в объем второго сказуемого не только традиционные именные формы, но также инфинитив и деепричастие. Он подчеркнул своеобразие так называемого творительного предикативного, назвав его сказуемым именем. Трудно лишь согласиться с трактовкой сопровождаителя сказуемого именно как второго сказуемого. А. А. Шахматов не разделял точки зрения, согласно которой предложения не может быть без спрягаемого глагола (§ 191), и усматривал в предложениях типа *мой отец слепой* или *он слеп* простое сказуемое без нулевой связки. Однако эта позиция весьма уязвима: сказуемое принципиально отличается от своих сопровождаителей, от полупредикативных сопровождаителей, распространителей своей специфической и уникальной формой — формой спрягаемого глагола, выражающей предикативные категории модальности, времени и лица. Полупредикативные распространители, при всей их важности в строе предложения и своеобразии сцепления с подлежащим и сказуемым, лишены этой предикативной формы и не могут быть отнесены к разряду сказуемых, даже вторых или второстепенных.

Любопытна критика теории двойного сказуемого, содержащаяся в книге А. М. Мухина «Структура предложений и их модели»¹⁵. Здесь говорится о том, что предложения со вторым сказуемым, которое А. А. Шахматов сводит к положению второстепенного члена предложения во втором составе, было бы более последовательно трактовать как трехсоставные предложения. По нашему мнению, именно то, что А. А. Шахматов нашел во втором сказуемом совмещение признаков главных и второстепенных членов, было оригинальной и остроумной находкой, связанной с учением А. А. Потебни и А. М. Пешковского (в первых изданиях его знаменитой книги).

¹⁵ А. М. Мухин. Структура предложений и их модели. Л., «Наука», 1968, стр. 39—43.

4. Полупредикативность, возникающая на основе одновременного подчинения данного компонента предложения двум другим компонентам, и прежде всего сказуемому и подлежащему, представлена в различных видах. Будучи грамматическим явлением, она должна быть выражена формально, т. е. в предложении должны присутствовать специальные грамматические средства, сигнализирующие наличие двунаправленной связи.

Синтаксические связи бывают двух видов по характеру обнаружения: синтагматические, проявляющиеся в данной речевой цепи (иначе — непосредственные), и парадигматические, устанавливаемые на основании сопоставления данного отрезка речи с другим отрезком, который считается трансформом первого (иначе — трансформационные)¹⁶.

Полупредикация может быть выявлена синтагматически и парадигматически. При отсутствии синтагматического проявления она может стать неопределенной, могут появиться варианты истолкования одной конструкции. Наиболее ярким формальным выражением двойной связи является наличие согласования предикатива с одним из господствующих членов и в то же время нарушение согласования, свидетельствующее о связи предикатива с другим господствующим членом (неполное согласование). Например: «...*Роман этот считается комическим...*» (Ю. Нагибин. *Лето моего детства*. Чердак); «*В некоторые магазины ... овощи поступают уже расфасованными*» («Неделя», 1971, № 29).

Ярким показателем двойной связи является и нарушенная параллельная связь. Например: «*Он работал монтером в разливочной мастерской*» (Л. Славин. *Первая смена*); «*В Тобольске жили ссыльными А. Н. Радищев, В. К. Кюхельбекер...*» («Правда», 13 марта 1967 г.). В сочетаниях «*Он... монтером*», «*А. Н. Радищев, В. К. Кюхельбекер... ссыльными*» наблюдается нарушение параллельной связи.

Иногда же предикатив не получает отчетливого оформления. Предложения типа «*Победители развезались удовлетворенные*» («Литературная газета», 23 июня 1971 г.), «*Телеграммы принимались только военные и правительственные*» (В. Катаев. *Волны Черного моря, Катакомбы*, 5) не имеют полупредикативного компонента, оформленного отчетливо. Они должны быть проверены с помощью возможности замены

¹⁶ Л. С. Бархударов. О двух типах синтаксической связи слов в предложении. — «Иностранные языки в школе», 1967, № 4, стр. 14—20.

формы именительного падежа формой творительного, т. е. парадигматически. В первом предложении такая замена возможна, во втором невозможна; в то же время в первом предложении можно усмотреть обычное определение, лишь перемещенное в необычное для него место, т. е. первое предложение оказывается неопределенным, двусмысленным по структуре.

Показателем двойной связи может быть и обособление, когда оно происходит в необязательной позиции (согласованное определение перед определяемым словом)¹⁷. Например: *«Смущенный нежеланной встречей, Клим не успел отказаться от приглашения...»* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина).

Таким образом, двойная (дунаправленная) связь компонента предложения, наблюдающаяся в смысловом плане, может быть формализована синтагматически или парадигматически.

Предикативы (или полупредикативные компоненты) можно разделить на четыре класса в зависимости от морфологической природы и способа выражения двойной связи: 1) инструментально-именной (формы творительного падежа и их эквиваленты), 2) именной (обособленные прилагательные и существительные, не соотносящиеся с творительным падежом, не заменяемые им), 3) деепричастный и 4) инфинитивный.

Деепричастный и инфинитивный предикативы синтагматически не обнаруживают двойной связи. Она проявляется лишь при парадигматических сопоставлениях. Например: *«Так думал я, возвращаясь к домику Раевских...»* (В. Рождественский. Кипарис Пушкина); *«... Он любил выдумывать разные истории»* (К. Паустовский. Дым отечества, I). Сопоставляем: *...думал я, когда возвращался...; ...любил и выдумывал разные истории*¹⁸.

Если в первых двух классах наличествуют как синтагматически формализованные, так и неформализованные разновидности, то в последних (деепричастном и инфинитивном) наблюдаются только неформализованные в синтагматическом

¹⁷ См. нашу статью «Прилагательные, связанные с подлежащим и сказуемым, в современном русском языке». — Уч. зап. Курского пединститута. Т. XVII. Курск, 1963, стр. 100—117.

¹⁸ См. нашу статью «Соотношение деепричастия и предикатива как особого второстепенного члена предложения в современном русском языке». — «Краткие очерки по русскому языку», 2. Курск, 1966, стр. 20—27.

плане предикативы, двойная связь которых определяется исключительно парадигматически.

В русском языке встречаются сложные сочетания предикативов. Например: *«Пионер готовится стать комсомольцем»* (Законы пионеров Советского Союза); *«...Все женщины хотят быть красивыми»* («Правда», 7 марта 1972 г.). Здесь к сочетаниям подлежащего и сказуемого присоединяются по два особым образом связанных предикатива *стать комсомольцем* и *быть красивыми*. Важно, что эти распространители непосредственно относятся к предикативному сочетанию.

5. До сих пор мы несколько суживали объем полупредикативных компонентов, говоря о предикативах как распространителях сочетания подлежащего и сказуемого. Такую полупредикативность можно назвать прямой или субъектной. Но широко распространена и полупредикативность косвенная, объектная, когда компонент с двойной связью относится к сказуемому и прямому (иногда косвенному) дополнению. Например: *«Я запомнил свою мать седой и усталой»* («Известия», 26 февраля 1967 г.). Здесь предикативы *седой* и *усталой* согласованы с прямым дополнением *мать*, причем неполно, что указывает на связь с глаголом-сказуемым. Это косвенное полупредикативное распространение основного, предикативного сочетания, захватывающее только сказуемое и присоединяющее к нему дополнение на особых основаниях. Такое дополнение втягивается в полупредикативный сектор. Интересно, что объектный предикатив может быть не только инструментально-именным, но и инфинитивным (объектный инфинитив). Например: *«...Смердяков умолял его остаться...»* (Достоевский. Братья Карамазовы, 4, 12, VIII); *«Он приказал своему вознице остановиться у въезда в парк»* (Тынянов. Пушкин, 2, 4, 6).

6. Полупредикативность связана с особым характером распространения центрального сочетания предложения (сочетания подлежащего и сказуемого) или одного из главных членов — сказуемого — в сочетании его с прямым дополнением. При этом к одному предикативу может присоединяться другой, в результате чего образуется сложная цепочка предикативов. Но предикативы могут употребляться и в необычных позициях: в изоляции от центрального предикативного сочетания. В таких случаях спрягаемая форма глагола заменяется инфинитивом, причастием или деепричастием. Поскольку деепричастие, как правило, соотносится с подлежащим и является полупредикативным, связанный с ним инструменталь-

но-именной предикатив продолжает оставаться распространителем основного сочетания, лишь несколько отдаляясь от него. Что же касается сочетаний из инфинитива или причастия и предикатива, то полупредикативность таких образований обычно (исключением может быть инфинитив) уже не является актуальной, первичной. Это — вторичные сочетания, возникающие на основе первичных, связанных с предикативным центром. И полупредикативность их отраженная, потенциальная. Например: «*Работать в больнице медсестрой тяжело...*» («Известия», 26 сентября 1969 г.); «*Быть холостяком считалось когда-то зазорным*» («Литературная газета», 1971, № 17). В этих предложениях предикатив сочетается с инфинитивом в роли подлежащего. Такой предикатив не вступает в связь со сказуемым того же предложения. Трехчленный строй субъектного сочетания с предикативом (подлежащее, сказуемое и предикатив) разрушается, превращаясь в двухчленное образование (*работать медсестрой, быть холостяком*), которое можно назвать полупредикативным комплексом. Эти комплексы могут употребляться во всех случаях, где возможен инфинитив. Например: «Решение Юрия *стать моряком* несказанно удивило и озадачило всех Романовых («Правда», 1 мая 1965 г.).

Причастие, выступающее в роли определения и присоединяющее предикатив, также образует вместе с ним двухчленный комплекс. Например: «Мы были восхищены красотой своей модели, *казавшейся* нам поразительно *изящной...*» (В. Катаев. Разбитая жизнь...); «*Взятый молодым* из гнезда скворчик быстро становится совершенно ручным...» (Дм. Кайгородов. Родная природа. Скворец).

Полупредикативные комплексы с участием объектного предикатива являются трехчленными, т. е. сохраняют структуру первичных сочетаний со спрягаемой формой. Например: «Осуществилась давняя моя мечта — *спеть царя Бориса таким*, каким его задумал и воплотил в музыке композитор» («Известия», 15 февраля 1972 г.). Здесь сочетание *спеть царя Бориса таким* выступает как полупредикативный комплекс в роли несогласованного определения.

«Но было бы несправедливым умолчать о раздумчивых и даже минорных стихах поэта и *изображать его* таким заведенным навсегда *бодряком*» («Литературная Россия», 1970, № 44). Здесь сочетание *изображать его бодряком* выступает как полупредикативный комплекс в роли подлежащего.

В виде полупредикативных комплексов, возглавляемых

инфинитивом, причастием или деепричастием, могут употребляться не только сочетания с инструментально-именным предикативом, но и сочетания с инфинитивным и деепричастным предикативом. Например: «*Уметь надеяться* — искусство...» (В. Урин. Надежда); «Покойное чувство охватило Ольгу Прохоровну, *сидевшую* на корме, *подставив* лицо весеннему, уже жаркому солнцу» (В. Каверин. Двойной портрет, 43). Здесь сочетания *уметь надеяться* и *сидевшую подставив* являются комплексами.

Таким образом, следует различать полупредикативность первичную, связанную с непосредственным распространением предикативного сочетания, и предикативность вторичную, отраженную, не связанную прямо с предикативным центром. Особо надо рассматривать цепочки предикативов, находящихся в прямой связи с предикативным центром (через посредство друг друга). Например: «В жизни человека есть определенные возрастные рубежи, которые вполне *могут быть названы* переходным возрастом» («Наука и жизнь», 1972, № 9). Здесь выделяется сказуемое *могут* и цепочка предикативов *быть названы возрастом*. Известно исследование таких цепочек как осложненного сказуемого.

Но вопрос этот шире. Деепричастия обычно не включаются в объем сказуемого, но они являются предикативами, т. е. имеют двунаправленную связь — со сказуемым и с подлежащим. Деепричастие может иметь в свою очередь предикатив — инструментально-именной или инфинитивный. Возникает цепочка предикативов. Например: «Маракуев, плохо *притворяясь не верующим* в то, что говорит, сообщал...» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, СС, 19, стр. 439); «Разметнов подошел, заглянул через спины, *пытаясь разглядеть*, что творится в кругу» (Шолохов. Поднятая целина, 19). Здесь цепочка предикативов *притворяясь не верующим* и *пытаясь разглядеть*.

Предикативы при первичной (актуальной) и вторичной (потенциальной) полупредикативности не совпадают полностью в формальном отношении. Так, в первом случае широко употребляются краткие прилагательные и причастия, которые во втором случае невозможны. При вторичной полупредикативности (в комплексах) встречаются в основном формы творительного падежа, если рассматривать инструментально-именные предикативы. Интересно и то, что краткие прилагательные и причастия употребляются только при отвлеченных глаголах-сказуемых, обычно относимых к разряду связок или

вспомогательных глаголов. При глаголах конкретного значения они невозможны.

7. Полупредикативные компоненты характеризуются различной степенью связи с глаголом-сказуемым. В зависимости от этого производится и разделение самих глаголов на отвлеченные (или связочные) и конкретные. Отвлеченные глаголы-сказуемые обязательно нуждаются в полупредикативном пространстве. Они могут быть названы предикативно-синсемантическими. В сочетаниях таких сказуемых с предикативом (*был болен, был усталым, был врачом, стал говорить, мог учиться*) заметна тенденция к аналитизму, к распределению конкретного и абстрактного содержания сочетания между двумя компонентами с их спецификацией: глагол оказывается носителем абстрактного содержания, а предикатив — конкретного содержания. Но такое распределение носит весьма градиционный характер.

Интересным и сложным является вопрос о квалификации предикативов как второстепенных членов предложения. Предикатив, в нашем понимании, — это не такой член предложения, как определение, дополнение, обстоятельство, не стоит в их ряду. Предикатив — это своеобразный гиперчлен предложения, класс второстепенных членов, обладающих двунаправленным подчинением. Эти второстепенные члены правоммерно изучать и в обычных измерениях, рассматривать их в ряду определений, дополнений и обстоятельств.

Полупредикативные второстепенные члены (предикативы), в принципе не отличаясь от обычных, тем не менее имеют ряд особенностей. Значение их как второстепенных членов порою носит очень общий характер, лишено той специализации, которая присуща обычным второстепенным членам предложения. В русском синтаксисе такие неспециализированные разновидности принято выделять лишь в кругу деепричастных компонентов предложения, которые делят на второстепенные сказуемые («...Она, прикусив губу, удерживает слезы» — Бунин. *Смарагд*) и обстоятельства («В начале июля Лиля заболела, объевшись малиной...» — Бунин. *Ворон*). Но такие же разграничения возможны и в сфере предикативов другого типа (инструментально-именных, именных, инфинитивных). Таким образом, можно выделять специализированные (или недостаточно специализированные) предикативы.

Другая особенность предикативов как второстепенных членов предложения заключается в том, что они, будучи разделены двойной связью, приобретают сложные, порою син-

кретичные функции. Так, применительно к инструментально-именным предикатам часто говорят о совмещении функций определений и обстоятельств. Ср.: *был весел, был врачом, вернулся усталым; стал учиться, стремился учиться.*

Мы рассмотрели различные аспекты полупредикативных членов предложения. Основные положения данной статьи сводятся к следующим:

1. В структуре предложения современного русского литературного языка выделяется три сектора: предикативный, полупредикативный и непредикативный.

2. Предикативный сектор — это предикативное сочетание подлежащего и сказуемого, структурная основа предложения, единственный необходимый сектор, сам по себе, без других секторов, способный составить предложение. Предикативный сектор имеет отчетливый формальный облик, с ним связаны категории модальности, времени и лица, которые концентрируются в сказуемом — спрягаемом глаголе.

3. Полупредикативность — это особый способ распространения предикативного сочетания, когда зависимый компонент предложения находится в одновременном двойном подчинении сказуемому и подлежащему или сказуемому и дополнению (прямому и иногда косвенному).

Полупредикативный компонент предложения называется предикативом.

4. Идея о наличии в строе предложения своеобразных членов, совмещающих свойства главных и второстепенных членов, была высказана виднейшими русскими синтаксистами — А. А. Потемней, А. М. Пешковским и А. А. Шахматовым. В работах Потемни, Пешковского и Булаховского был намечен особый вид связи полупредикативного компонента (именного) с глаголом — тяготение.

5. Двунаправленная связь, на основе которой возникает полупредикативность, может быть формально выражена или синтагматически, или парадигматически. Яркие синтагматические способы выражения двойной связи — неполное согласование, нарушение параллелизма, обособление в необязательной позиции.

6. В зависимости от морфологической природы и способа выражения двойной связи предикативы делятся на четыре класса: 1) инструментально-именной (формы творительного падежа и их эквиваленты); 2) именной (обособленные прилагательные и существительные, не соотносящиеся с творительным падежом и находящиеся в позиции необязательного обо-

собрания); 3) деепричастный и 4) инфинитивный. Двойная связь двух последних типов предикатива вскрывается только парадигматически.

7. Полупредикативность бывает прямая (субъектная), когда предикатив объединяет подлежащее и сказуемое, и косвенная (объектная), когда предикатив объединяет дополнение (обычно прямое) и сказуемое. Дополнение при этом тягивается в полупредикативный сектор.

8. Следует различать первичную полупредикативную связь, направленную на распространение предикативного сочетания, и вторичную связь, возникающую на основе первичной связи при замене спрягаемой формы глагола-сказуемого инфинитивом, причастием и деепричастием. Такие сочетания вторичного характера могут быть названы полупредикативными комплексами. Они, в отличие от трехчленных первичных, могут быть двучленными.

9. Могут возникать цепочки предикативов, когда к первому предикативу присоединяется второй и т. д.

10. Предикатив — особый тип второстепенных членов предложения, соотносящийся особым образом с определением, дополнением и обстоятельством. Это второстепенный член с двойным подчинением — иногда недостаточно специализированный, иногда обладающий явными свойствами определенного второстепенного члена, иногда характеризующийся сложным сцеплением функций.

11. Отказ от выделения составного сказуемого позволит более точно описать полупредикативные компоненты и в то же время учесть тенденции к образованию аналитических сочетаний, именно тенденции весьма сложного градационного характера (обилие различий в степени сцепления предикатива и глагола-сказуемого).

К ИЗУЧЕНИЮ ПРЕДЛОЖЕНЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ФУНКЦИЙ СЛОВОФОРМ

(на материале конструкций с обобщенным значением)

В сфере синтаксической семантики существует понятие об обобщенно-личном значении предложения. Обобщенное значение находят в предикативных единицах различной структуры. В связи с этим некоторые исследователи делают вывод, что обобщенно-личные предложения как самостоятельный структурный тип не существуют¹. Другие же, напротив, стремятся найти общий формальный признак, единый для всех предложений с обобщенно-личным употреблением разных глагольных форм. Таким признаком, объединяющим предложения с формой 2 лица и предложения с формой 3 лица множ. числа настоящего времени в одну структуру, считают, например, «вневременность» (в синтаксическом плане — отсутствие у предложений временной парадигмы)². Парадигматический признак ставится в этом случае выше, чем признак морфологической оформленности предикативного ядра (тип словоформы), являющийся основой традиционной классификации. А это уже иной, определенный подход, оценить который можно лишь утя все последствия его применения.

В частности, если некоторый ряд предложений, построенных по формуле $Vf3pl$ («Цыплят по осени считают»), выводится, по признаку отсутствия временной парадигмы, за пределы неопределенно-личных предложений, — то этим самым

¹ И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. М., «Просвещение», 1970 и др. Ср. также: Н. Ю. Шведова. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии). — В сб.: «Русский язык. Грамматические исследования». М., «Наука», 1967.

² П. А. Лекант. Грамматическая форма простого предложения и система его структурно-синтаксических типов в современном русском языке. Автореф. докт. дисс. М., 1971; З. К. Тарланов. Есть ли в русском языке обобщенно-личные предложения? — «Филологические науки», 1972, № 3.

неопределенно-личное предложение зачеркивается как тип, определяющим признаком которого является V13pl. Учет какого-либо признака не может вести к определению формальных границ только одного типа, не затрагивая формальных признаков другого типа.

Итак, предложены два основных решения: 1) обобщенно-личные предложения — это область семантики и функционирования; 2) обобщенность — это значение синтаксического типа, единство которого строится на признаке «вневременности». Ни одно из этих решений не представляется нам окончательным. Необходимо по крайней мере убедиться или в том, что обобщенность действительно не имеет своих общих, типовых и специфических показателей, или в том, что вневременность является свойством синтаксической структуры, а не одним из значений временной морфологической формы независимо от строения предложения.

Что касается самого обобщенно-личного значения, то оно представляется не вполне однородным и зависящим от личной глагольной формы.

Наша цель — исследовать возможности проявления обобщенного значения в конструкциях с главным членом — глаголом в форме 3 лица множ. числа настоящего времени.

Форма 3 лица множ. числа закрепились в роли главного члена так называемого неопределенно-личного предложения, структурная самостоятельность которого нашла общее признание.

Содержание синтаксически неопределенного лица представляется нам в виде линии «кто-то — некоторые — все». Причем эта линия не соприкасается с линией определенного лица «мы — вы — они». Сам характер линии неопределенности лица таков, что хотя лексически и возможно эксплицитирование той или иной ее точки, но синтаксически точное определение положения субъекта на этой линии несущественно; на линии же выражения грамматически определенного «морфологического» лица субъект находится всегда в одной из трех вполне определенных точек. Синтаксическая неопределенность лица дает структуре «право» одновременно представлять лицо в пределах от «кто-то» до «все»; и, как следствие этого, возникает возможность вообще не примысливать действующего лица, т. е. воспринимать действие в его чистом виде (его поймали — он пойман; разве от радости плачут — разве от радости можно плакать). Поскольку производитель действия при неопределенно-личном значении мо-

жет мыслиться в пределах от «кто-то» до «все» и в эти пределы не включается грамматически определенное лицо (мы — вы — они), неопределенный деятель как бы отстранен от говорящего, находится на иной линии.

Исходя из нашего понимания неопределенно-личности, среди возможных значений неопределенного лица мы обнаруживаем и значение обобщения (точка «все» на линии «кто-то — некоторые — все»).

Однако характер обобщения в конструкциях с глагольной формой 3 лица несколько иной, нежели в конструкциях с формой 2 лица. В предложениях типа *«Найдешь келью и под елью»*, *«Здесь без мостика не пройдешь»* отнесение действия ко всем лицам происходит через отнесение его в первую очередь к собеседнику (апеллятивная форма³); во всяком случае, круг действующих лиц благодаря форме главного члена включает и собеседника — грамматическое 2 лицо; с него, собственно, и начинается отсчет тех лиц, на которые распространяется указанное действие. Поэтому включение личного местоимения не разрушает обобщенного значения.

В предложениях же типа *«Цыплят по осени считают»*, *«Сонетами не пашут, на одах не обедают, как на посуде»* (К. Федин) обобщение идет другим путем: в силу более широкого значения 3 лица действие относится прежде всего ко всем, более того — дается как норма для всех, оно предстает или как узус: так обычно (не) делают, или как предписание: так нельзя (нужно) делать. Поэтому, несмотря на форму 3 лица у глагола, примысливание третьего лица в качестве производителя действия разрушает как неопределенно-личность, так и обобщенно-личность (ср.: Они сонетами не пашут, на одах не обедают).

Соображения этого рода, конечно, не являются достаточно убедительным аргументом против того взгляда, согласно которому конструкции с формами 2 и 3 лица, имеющие обобщенное значение, объединяются в один структурный тип, но все же не позволяют нам и согласиться с данной точкой зрения.

По нашему мнению, значение лица в конструкциях с глаголом в 3 лице множ. числа, видоизменяясь семантически до

³ На эту особенность формы 2 лица обращает внимание Б. М. Гаспаров в статье «Неопределенно-субъектные предложения в современном русском языке». — Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 275. Труды по русской и славянской филологии. Серия лингвистическая. XIX. Тарту, 1971.

обобщенного, остается в рамках синтаксического значения неопределенного лица (на линии «кто-то — некоторые — все»), и не влечет за собой перехода предложения из одного структурного типа в другой.

Значение обобщенности есть следующая ступень развития значения повторяемости (от обычности для многих к обязательности для каждого): «*На охоте, как на войне, не перечат*» (В. Солоухин. Зимний день). Кроме того элемента содержания, который можно передать словом ОБЫЧНО (*На охоте обычно не перечат*), в этом предложении есть еще дополнительный, модальный оттенок — оттенок отрицательного долженствования: *На охоте никто не должен перечить — На охоте нельзя перечить*. Слово НЕЛЬЗЯ передает модальное значение предиката. Такое значение возникает при отрицании самого действия (или действия вместе с каким-либо признаком). При утверждении этому значению противопоставляется значение положительного долженствования: «*На войне, где приказано, там и работают*» (К. Симонов. Последнее лето) — *На войне каждый должен работать там, где приказано — На войне нужно работать там...* См. пример с лексически выраженным модальным оттенком: «*Посаженных цветов не рвут. Поставленную статую не ломают. Должны не рвать. Должны не ломать*» (К. Федин. Костер).

Благодаря модальному оттенку утвердительного или отрицательного долженствования сообщаемое приобретает характер предписания, нормы для всех.

Общим и обязательным условием для обобщенного понимания высказывания является употребление глагола в настоящем времени несовершенного вида, в частности в настоящем «неактуальном». Считают, что «неактуальность заключается в отсутствии указания на отнесенность действия к моменту речи»⁴; это свойство формы настоящего времени несовершенного вида не связано с односоставностью и наблюдается и в двусоставных структурах. Но в односоставных конструкциях с глаголом в 3 лице данная форма приобретает способность обозначать обобщенность действия, характерность его для всех и всегда в той или иной ситуации. Глагол в прошедшем времени несовершенного вида тоже способен обозначать повторяющееся, обычное действие, но это действие не может иметь характер правила, общего для всех

⁴ Л. В. Бондарко. Категория времени.— В. кн.: А. В. Бондарко. Л. Л. Буланин. Русский глагол. Л., «Просвещение», 1967, стр. 93.

и всегда: названное таким глаголом действие локализовано по временному признаку, применимость его в настоящем и будущем не отмечена. Ср.: *Так не делали; Хлебá не жали серпом* (обычность действия в прошлом) и *Так не делают; Хлебá не жнут серпом* (обычность действия для любого времени, вне времени).

Таким образом, только настоящее неактуальное дает возможность представить какой-то факт нормой, правилом для всех.

Материал позволяет выделить в рамках единого типа более или менее типизированные структуры⁵, одни из которых с обязательностью принимают обобщенное значение при любом лексическом наполнении, а другие по своему составу могут служить базой для возникновения такого значения при соответствующем лексическом наполнении. Степень обобщенности и способность создавать обобщенно-модальное значение в отрицательных конструкциях значительно выше, чем в утвердительных. Отрицательная частица несет особый «заряд» модальности. Это естественно, поскольку форма, отрицающая возможность совершения действия кем бы то ни было, более категорична и однозначна, чем форма, позволяющая приписать действие всем.

Поэтому именно среди отрицательных конструкций можно прежде всего выделить типизированные структуры, так называемые фразеосхемы, которые поддаются описанию с минимальным учетом лексического наполнения.

1. Обобщенное значение обязательно для конструкций с вопросительной частицей *разве* (иногда *ли*), тождественных по смыслу конструкциям с отрицательной частицей *не*: «Разве от радости плачут?» (В. Саянов. Лена) — от радости не плачут; «Разве иконы отдают, разве их из дому выносят?» (В. Солоухин. Черные доски) — иконы не отдают, их из дому не выносят; «Разве от отца бегают?» (К. Федин. Необыкновенное лето).

2. Типизированным лексическим средством создания обобщенного значения являются и слова *так, такой*: «Так не спо-

⁵ Мы вкладываем в понятие «структура» относительно узкое содержание. Имея в виду, что «формальный минимум», определяющий грамматическую самодостаточность предложения, не обеспечивает его коммуникативной завершенности, мы называем структурой соединение предикативной основы с такими компонентами, которые необходимы для самостоятельного функционирования предложения и завершают его оформление как структурно-семантического типа (или подтипа).

рят» (Из газет); «Так с советскими гражданами не поступают» (К. Федин. Необыкновенное лето); «Так не говорят о деле» (Ю. Герман. Дорогой мой человек); «Такие вещи заранее не объясняют» (К. Симонов. Последнее лето).

См. предложения, в которых соединяются оба эти элемента: «Разве так подковыывают?» (С. Антонов. По дорогам идут машины); «Разве такое прощают?» (Из газет); «Так ли берегут авторитет?» (Из газет).

Типизированная структура: разве, так (не) — главный член (глагол 3 лица, множ. числа настоящего неактуального времени)⁶.

Модально-обобщенное значение, свойственное конструкциям с этими элементами, не исчезает при употреблении субъектной словоформы, характерной вообще для неопределенно-личного предложения⁷: «Так нельзя-с! Так не делают у нас» (В. Гиляровский. Москва и москвичи); «О таких вещах в оперативном отделе вслух не думают» (К. Симонов. Последнее лето); «Так на Беломорье суда не ладят» (Ю. Герман. Россия молодая).

Описанные структуры представляют собой фразеосхемы, за которыми закреплено модально-обобщенное значение.

Выявляются и лексически свободные, но синтаксически типизированные структуры, которые наиболее приспособлены для передачи обобщенного значения, т. е. составляют структурную базу для его выражения.

В определенной расстановке словоформ повторяются некоторые компоненты семантической структуры предложения, и таким образом складываются определенные закономерности построения структур, способных создавать обобщенное значение. Именно этим закономерностям отвечает строение пословиц в русском языке — этих «идеальных» обобщенно-личных предложений.

Можно наметить несколько типов соотношения словоформ (предикативной и непредикативных), соответствующих различным способам выявления обобщенности.

⁶ Настоящее неактуальное является общим для всех структур, поэтому в дальнейшем в схеме структуры не указывается.

⁷ См. об этом нашу статью «О структуре простого предложения (на материале неопределенно-личных предложений)». — «Русский язык в школе», 1971. № 2.

1. Обобщенность сосредоточена в указании на орудие действия (таким-то способом делают/не делают).

«В механизации нет романтики. На кнопках не воспитывают» (Из газет) — на кнопках воспитывать нельзя; «Сонетами не пашут, на одах не обедают, как на посуде» (К. Федин. Необыкновенное лето); «И то, чем воюют, и на чем едут, и чем землю роют, и чем людей кормят и поят... — все должно быть при тебе» (К. Симонов. Последнее лето); «Бабами сваи бьют... А я рыбацкая женка» (Ю. Герман. Россия молодая); «Где вы, где техника? Ваш объем работ одной лопатой делают» (Н. Адамян. Вторая жена) — ваш объем работ одной лопатой можно сделать. Ср. пословицы: Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют; «Из спасибо шубу не шьют, как и шилом не бреются, и дымом не греются» (В. Саянов. Лена).

Типизированная структура: словоформа со значением орудия действия (чаще сущ. твор. пад.) — (не) — главный член.

2. Обобщенность сосредоточена в указании на характеризующий признак (качество) действия (так-то делают/не делают). Вторым компонентом неопределенно-личной конструкции является обстоятельство образа действия:

«Внук мой нечаянно попал в облаву. — Нечаянно не попадают»: (К. Федин. Необыкновенное лето); «Искусственно не создают такие бригады» (А. Бахарев. Лично ответств.); «Разве так ухаживают? Ухаживают тихо, нежно, чтобы нравилось» (В. Солоухин. Капитолина и Витенька); «Татей (воров) казнят по-разному» (Ю. Герман. Россия молодая); «Это самое счастье толкуют и будут толковать по-разному» (Ю. Герман. Дело, которому ты служишь). — Ср. пословицы: Дугу гнут не разом, коли сильно навалишься — лопнет; Скоро только блины пекут; Не ворохом деньги принимают. Счесть да после сгрести; Не гонкой волка бьют, уловкой.

Типизированная структура: словоформа со значением способа, образа действия — (не) — главный член.

3. Обобщенность заключается в оценке предмета (что-то считают/не считают чем-то). Оценка дается путем

уподобления одного предмета другому — такое отношение всегда трехчленно:

«Ты мудр, а мудрость принимают как дар аллаха» (Ю. Семенов. Дипломатический агент) — мудрость для всех — дар аллаха: мудрость нужно пригимать как дар аллаха; «Снег считают саваном для омертвевшей природы» (К. Прутков); «Хорошего правителя справедливо уподобляют кучеру» (его же).

Сюда же относятся предложения с указанием на то, что какое-либо свойство предмета является препятствием для того или иного применения этого предмета:

«Неуча и в попы не ставят» (Ю. Герман. Россия молодая); «А родственников в адъютантах не держат» (К. Симонов. Последнее лето).

Типизированная структура: прямообъектная форма — (не) — главный член — косвеннообъектная (или обстоятельственная) словоформа.

4. Обобщенность заключается в констатации приложимости действия к предмету (над чем-то производят/не производят действие). Обобщение происходит на основе утверждения необходимости или возможности названного действия по отношению к какому-либо объекту:

«С инфарктами не шутят:» (Ю. Герман. Все остается людям); «За это не наказывают» (Он же. Дорогой мой человек) — это ненаказуемо; «Должность не просят» (Из газет) — должность нельзя просить; «Идиотов не сеют и не жнут» (Ю. Герман. Все-остается людям); «И победителей судят» (Из газет); «Считается, что друзей выбирают» (Из газет). Ср. пословицы: Алтынного вора вешают, полтинного чествуют; Голой овцы не стригут; Лежачего не бьют; На сердитых воду возят.

Типизированная структура: прямообъектная (реже косвенно-объектная) форма — (не) — главный член.

5. Обобщенность сосредоточена в указании на причину изменения предмета (субъекта): по такой-то причине делают/не делают. Утверждается возможность или невозможность изменения субъекта по названной причине:

«Согласно науке, от облучения не умирают» (Ю. Герман. Все остается людям); «Немец Бир выразился в свое время очень грубо, но правильно: «От частого оперирования глупеют» (Он же. Дело, которому ты служишь); «Это всего-навсего соната: Плачут же от

бед, от неудач» (Е. Винокуров). Ср. пословицу: От доброго житья толстеют, от дурного худеют.

Типизированная структура: обстоятельственная словоформа со значением причины— (не) — главный член.

б. Обобщенность заключается в ограничении места действия (где - то совершают/не совершают действия). В предложении сообщается о норме поведения в той или иной обстановке:

«В больнице не свистят» (К. Паустовский. Колхида);

«В чем-либо присутствии не говорят о том, что неприятно напоминает о его слабостях» (Словарь русских пословиц и поговорок); У нас не курят (Объявление); По газонам не ходят (Объявление). Ср. пословицу: В доме повешенного не говорят о веревке.

Типизированная структура: обстоятельственная словоформа — (не) — главный член.

Значение обобщения в любом из рассмотренных случаев может быть ограничено указанием на обстоятельство, суживающее сферу распространения данного обобщения. Это достигается с помощью детерминирующего члена:

«Пока человек жив, про него никогда не говорят «смертельно ранен» (К. Симонов. Последнее лето); «В наш век мирного атома и мудрой кибернетики за это бьют» (Н. Адамян. Вторая жена); «На войне, где приказано, там и работают» (К. Симонов. Последнее лето); «При выводе самолета на старт машиной управляют с помощью тормоза на правое и левое колесо» (Ю. Герман. Все остается людям). Ср. пословицы: В дождь избы не кроют, а в ведро и сама не каплет; После драки кулаками не машут; Снявши голову, по волосам не плачут; Спусти лето, в лес по малину не ходят.

Как видим, необходимым условием для создания в предложении обобщенного значения оказывается наличие зависимых компонентов, являющихся структурно-смысловыми элементами обобщения. При этом двучленное построение — наиболее характерный образец структуры, выявляющей обобщенное значение.

Вопрос о том, характерно ли это для выявления обобщенного значения вообще или специфично только для конструкций с глаголом в 3 лице множ. числа, требует исследования в том же плане предложений с глаголом во 2 лице.

ОБ ОДНОРОДНОСТИ И СОЧИНЕНИИ

В существующих описаниях синтаксического строя русского языка сочинительная связь и однородность принципиально не различаются: они прилагаются к одним и тем же фактам, хотя в сами эти понятия вкладывается разное содержание.

Принято считать, что во всех тех случаях, где обнаруживается синтаксическая однородность (однородные члены предложения, однородные части сложного целого), мы имеем сочинительную связь и, соответственно, напротив: сочинительная связь всегда есть свидетельство однородности соединяемых частей. «В строе предложения, — говорится в Грамматике русского языка, — однородные члены характеризуются не только одинаковой синтаксической ролью, но и объединяющей и расчленяющей их интонацией перечисления или сопоставления и сочинительной связью, выражающейся сочинительными союзами или соединительными паузами»¹.

В этой небольшой заметке будут высказаны некоторые соображения относительно того, в каком плане можно различать понятия сочинения и однородности. Нам представляется, что однородность может быть интерпретирована как семантико-синтаксическая связь слов и более крупных частей высказывания, а сочинительная связь как синтаксическая связь частей предложения, простого или сложного. При этом найдет свое объяснение и структура «слитных» предложений

¹ Грамматика русского языка. Т. II. Ч. I. М., изд-во АН СССР, 1960, § 834, стр. 598. Ср. также у Ж. Марузо: Сочинение. Расположение на одном уровне ряда членов или частей предложения либо просто соположенных... либо соединенных сочинительным союзом (Словарь лингвистических терминов. М., 1960, стр. 292). У О. С. Ахмановой: однородное словосочетание. То же, что сочинительное словосочетание (Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 282).

как сочинительная связь сказуемых, отличная от «однородности»².

В нашем понимании, сочинительная связь — союзная, а связь по однородности — бессоюзная. Сочинительными союзами объединяются части предложения и части внутри предложения, а однородностью части высказывания (в группе «однородных» предложений и сочетания элементов высказывания — синтаксической единицы, формируемой актуальным членением речи).

Сочинительная связь объединяет семантически «неоднородные», не синонимические элементы в предложении, например, «город и деревня», «отец и сын». В однородных же перечислительных рядах и семантически неоднородные слова и выражения рассматриваются как однородные, «синонимизируются». Ср., например, описание Москвы в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина (глава седьмая):

VII

Прощай, свидетель падшей славы,
Петровский замок. Ну! не стой,
Пошел! Уже столпы заставы
Белеют: вот уж по Тверской
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины, моды,
Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.

² Об отношениях между глагольными сказуемыми мы имели случай писать в связи с анализом временных соотношений в предложении. См.: Н. С. Поспелов. Выражение временного соотношения между однородными глагольными сказуемыми в строе слитного предложения. — Сб. статей по языкознанию, посвященный В. В. Виноградову. М., изд-во МГУ, 1958, стр. 248—250. По проблеме «слитного» предложения и однородности сказуемых см. также: А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М., 1956, стр. 468, Фг. Трагви-
сек, Meuvnice spisovné cestiny, II, Praha, 1951, стр. 89; I. Hrbásek, O nekolikanasobných vetných clenech, zvláste, o nekolikanasobném prisudku, Bulletin vysoké školy ruského jazyka a literatury, I, Praha, 1956, стр. 58,

То же в перечислении покупок Ноздрева в поэме Н. В. Го-голя «Мертвые души» (глава четвертая): «Если ему на ярмарке посчастливилось напасть на простака и обыграть его, он накупал кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза в лавках: хомутов, курительных свечек, платков для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойник, голландского холста, крупитчатой муки, табаку, пистолетов, селедок, картин, точильный инструмент, горшков, сапогов, фаянсовую посуду — насколько хватало денег».

Естественно, однако, поставить вопрос: а как же квалифицировать случаи, когда однородное сочетание при перечислении замыкается союзом? Например: *яблоки, груши и сливы* (ср. *яблоки, груши, сливы*). Можно думать, что в таких случаях мы имеем сочинение: семантическая однородность нейтрализуется, утрачивается «синонимичность» перечисляемого, в результате того, что сочинительная связь распространяется на все сочетание, причем объединяемые элементы рассматриваются уже как разнородные. Иначе говоря, связывательная функция завершающего союза распространяется на все сочетание, как бы поглощает однородность.

«Разнородность» объединяемых слов и выражений при сочинительной связи исключает возможность их сопряжения координацией в позиции подлежащего и сказуемого, т. е. включения их в предикативное отношение. Нельзя сказать: «Город — деревня».

Между однородностью сочинительной связи и координацией подлежащего и сказуемого есть своеобразная структурно-семантическая градация. Между компонентами перечислительной связи, характерной для однородности, возникает синонимическое соотношение, формируемое самой их рядоположенностью и интонацией перечисления. Сочинительная связь не устанавливает синонимические отношения между объединяемыми ею компонентами, а, наоборот, подчеркивает их семантическое несходство. При координации подлежащего и сказуемого они, взятые отдельно, оказываются семантически чуждыми друг другу, а координация осуществляет их контакт только синтаксически.

Однородными могут быть и компоненты бессоюзных сложных предложений, аналогичных сложносочиненным предложениям.

Устанавливаемые различия распространяются и на эти более сложные структуры.

СОДЕРЖАНИЕ

З. Д. Попова. «Согласование», «управление», «примыкание» в русской лингвистической терминологии	3
А. Ф. Прияткина. Об одном частном случае вторичных союзных связей	9
Е. А. Стародумова. Функции ограничительного слова «только» в современном русском языке	32
Ю. М. Гордеев. Система направительных отношений в конструкциях с глаголами движения в русском языке	52
А. С. Попов. Три сектора в структуре простого предложения (предикативный, полупредикативный и непредикативный)	65
Г. Ф. Низяева. К изучению предложенческих связей и функций словоформ (на материале конструкций с обобщенным значением)	83
Н. С. Поспелов. Об однородности и сочинении	92

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВЯЗИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Редактор Л. Хроленко
Техн. редактор А. Юрова
Корректор А. Станццкая

ВД 10441. Подписано в печать 13/VII-74 г. Формат 60×84/16=5,58 усл. печ. л.
(5 уч.-изд. л.). Тираж 600 экз. Цена 69 коп.

Полиграфический комбинат Управления по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли Приморского крайисполкома. Владивосток, Океанский пр., 69.
Заказ 417.

69 коп.

Созданием файла в формате pdf

занимался ewgeniy-new

(июнь 2015)